

The book cover features a dark, starry space background. A bright, glowing yellow-orange star is positioned in the upper right quadrant. A vertical red bar runs along the left edge of the cover. The author's name is at the top, the title is in the center, and the genre is at the bottom.

Михаил Белозёров

Гибель Марса

**фантастический
роман**

Черные ангелы

Михаил Белозёров

Гибель Марса

«Автор»

2012

Белозёров М. Ю.

Гибель Марса / М. Ю. Белозёров — «Автор», 2012 — (Черные ангелы)

В 2115 году земляне освоили Марс. Викентий Сператов прилетает на север Марса к своему другу – Лехе Круглову. В тот же день их обоих пытаются похитить астросы, затем – бандиты. Друзья бегут, используя способность Сператова спонтанно перемещаться во времени. Они выпутываются из самых безнадежных ситуаций и попутно участвуют в гражданской войне на Марсе.

© Белозёров М. Ю., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Белозеров

Гибель Марса

Все было так, но ничто не было именно так.

Глава 1

Черная суббота

Я прилетел в канун воскресенья. На таможне меня окликнули:

– Сператов!.. Викентий!..

За турникетом стоял Леха и улыбался во все тридцать два зуба.

Спил-таки клыки, весело подумал я, и мы обнялись.

Рядом с газетным киоском торчали два типа, расставив ноги и сложив руки на животе. Один – черный ангел с капюшоном на глазах, второй – юмон с крохотными рожками, просвечивающими сквозь волосы. Черный ангел – нервный, высокий и худой. Юмон – средневес, толстомордый и наглый. К юмонам я давно привык – с ними можно было ладить. Черных ангелов не видел два года. И честно говоря, не видать бы их еще столько же.

– Поехали... – нервно сказал Леха, забирая с транспортной ленты мою сумку и уводя меня из-под всевидящего ока блюстителей закона.

За два года он заметно поправился, возмужал, и его плоское лицо еще больше округлилось. Впрочем, выглядел он неважно – стал бледным, голубые глаза выцвели и под ними поселились тени.

– Неплохое местечко, – заметил я, кивая на пейзаж за окнами, от которого у меня появилось старое чувство одиночества, ведь я родился немного севернее и был рад снова попасть в родные места.

– Давай... давай... – Леха, оглядываясь и не слушая, торопливо подталкивая меня брюхом к выходу.

Мы влезли в его рыдван и потащились по ухабам и рытвинам единственной улице, над которой громоздились темно-зеленые сопки. Небо цеплялось за вершины. Сеял дождь. И все окрест было словно полито лаком. В низине, как зеркало, блестел залив, окаймленный почти черными елями. Угол долины занимал комбинат. А из тонких труб, словно флаги, тянулись белые дымы.

Такие поселки городского типа были во множестве разбросаны по северам Марса. Что-то вроде закрытого королевства – со своей полицией и администрацией, конституционно подчиняющейся федеральной власти. А на деле больше половины продукции в виде редкоземельных элементов уходило в лапы черных ангелов. Человеческая, то бишь марсианская власть старательно закрывала на это глаза, и тема для нашего брата газетчика была табу.

Леха достал из-под сидения бутылку водки, сорвал крышку зубами и произнес:

– За встречу!

Меня передернуло, но я сделал большой глоток. Дело в том... что я бросил пить. Не потому что испытывал проблемы со здоровьем, а потому что все как-то устаканилось – я вел размеренную жизнь – работал с девяти утра до восьми вечера. Получал надбавку за эксклюзивные статьи. А вечером отправлялся на Рублевку, где люди на вечеринках выглядят гораздо лучше, чем ты сам.

Пока я пил, Леха дружески хлопал меня по плечу. А потом неожиданно изменил своим привычкам. Где, спрашивается, его молоко, которым он любил запивать водку? И вообще, где его извечное балагурство? Не отрывая взгляда от дороги, он приложился на секунду больше,

чем следовало – будто его мучила неизбывная страсть к бутылке. Мы как раз миновали перекресток и подпрыгнули на кочке. За ивняком прятался полицейский – глаз выхватил привычную униформу. Леха приветственно махнул, едва не выронив бутылку в окно. Полицейский даже не посмотрел в нашу сторону. Наверное, Леха пользовался привилегиями – пунктик для статьи, отметил я.

– А от меня жена ушла... – пожаловался Леха. – С мастером проходки...

– Сочувствую, – осторожно отреагировал я и тут же успокоил: – Не познав пороков, мы не можем оценить добродетель.

Надеюсь, это его утешило. У меня была похожая история, только я старался ее забыть и выкинул все фотографии своей бывшей, потому что они наводили на меня тоску. Целый год я был сам не свой.

– Ничего страшного, – отозвался Леха, – я уже привык. Сейчас грибов нажарим, водки холодной напьемся и согудаем закусим.

– А что такое согудай? – спросил я, потому что не был знаком с местной кухней.

– Согудай – это свежий хариус с зеленью и бочковыми помидорами.

Со времен моего детства на севере появилась новая живность, о которой я не имел ни малейшего понятия.

Меня так и подмывало спросить, что произошло с ним в плену у черных ангелов. Леха словно угадал мои мысли:

– Год... – хохотнул он. – Целый год я промыкался на Бетта-Панторис.

– Ага... – только и сумел я от удивления выдать из себя.

Бетта-Панторис находилась на расстоянии шести световых лет от Земли. Масса Бетта-Панторис в два раза больше, чем наше солнце и хотя по типу сформированных вокруг Бетта-Панторис планет очень близка к земной галактике, никто не знал, что там есть жизнь.

Возле облупившейся гостиницы были заметны убогие следы цивилизации: ресторан, три бара, пара магазинов и казино. У заправки ржавели автоматы, в которых, не выходя из автомобиля, можно было купить дорожную мелочевку: зубную пасту, туалетную бумагу, спички и прочее. Все древнее, словно из прошлого века.

Больше я ни о чем не успел расспросить. Не проехали мы и ста метров после перекрестка, как дорогу нам преградили не менее древние “жигули”, из которых выскочили трое юмонов и взяли нас на прицел нейтрализаторов – в простонародье глушители мыслей, потому что они не убивали, а только отключали сознание. Леха так удивился, что лишь в последний момент ударил по тормозам, едва не врезавшись бампером в левое крыло «жигулей», и, прижавшись щекой в рулю, стал ждать, что будет дальше. Признаться, и мне стало любопытно, хотя под ложечкой неприятно екнуло. Неужели весь сыр-бор из-за водки?

Наконец дверь распахнулась и показался комиссар местной полиции. Я их узнавал с первого взгляда. В отличие от юмонов – настоящих комиссаров. Все они одинаковые: толстые, неповоротливые, мордатые – хоть в Москве, хоть в Санкт-Петербурге. Кряхтя, он вылез из машины, критически посмотрел на капот и, подойдя к нам в раскорячку, словно у него был свежий геморрой, сказал:

– Ваши документы... Ё-моё!

Я протянул служебное удостоверение. Леха – водительскую карточку. Комиссар, не взглянув, засунул в карман и скомандовал:

– Выходите!..

Леха, покорно вздохнув, покинул машину. Я полез следом. Один из юмонов в качестве улики торжественно нес злополучную бутылку, держа ее за горлышко двумя пальцами.

– Комиссар... – грустно хлюпнул носом Леха, – мы больше не будем...

– Топай, топай... – ответил он, отечески похлопав его по спине. – Видно будет... Ё-моё!

Он, как и любой маленький начальник в это дыре, так стосковался по работе, что выказывал тихую, неподдельную радость.

– Составим протокольчик... – потирал он руки.

– Не надо протокол, – попросил я, представляя, какое впечатление произведет на главного моя фамилия в рубрике “Пьянство за рулем”. – Я из “Петербургских ведомостей”.

– А нам без разницы! – воскликнул комиссар, игнорируя первую часть моей фразы. – Правильно, мальчики! Ё-моё!

Юмоны, караулящие каждое наше движение, дружно кивнули. Еще бы им не соглашаться с начальством – они были так запрограммированы на генном уровне.

– Комиссар, я имею право на один звонок, – напомнил я, когда мы уже сидели в его машине.

– Это где ты такое вычитал, сынок? – спросил он, даже не повернувшись в нашу сторону.

– Закон есть закон... – добавил я не очень уверенно.

Он засмеялся, взглянув на меня в зеркало заднего обзора. Его кокарда и позументы на фуражке блеснули, как сто солнц.

– Закон защищает даже свиней, – высказался Леха и, расхрабрившись, многозначительно хмыкнул.

– Столичные умники... – добродушно отозвался комиссар.

Морда комиссара не внушала никакого доверия. Я развел руками, изображая покорность, а в душе презирая любой закон.

– Вот посидите у нас, тогда вся спесь вмиг слетит! Ё-моё!

Меня это не устраивало. Надо было срочно позвонить Алфену, который мог решить все проблемы. Да, да, Алфен был главным редактором в “Ведомостях”, и я метил в его кресло – не вечен же он. Поэтому мне и надо было быть здравомыслящим и тихим. А слово “пресса” всегда действовала на представителей властей умиротворяюще, но почему-то не сейчас.

– Комиссар, это недоразумение... – тихо сказал я, прикидываясь овечкой. – Мы можем заплатить штраф...

– И штрафы заплатите... – заверил он, на этот раз повернувшись в нашу сторону, – но оформить я вас я обязан.

В результате мы приехали в отделение и больше не спорили. Единственное, я пожалел, что так и не отведал местных грибов, о которых мне поведал Леха.

У комиссара были плечи борца и до крыльца он бодро нес перед собой аккуратное брюшко. Еще у него было большое седалище и короткие пальцы, похожие на дорожные сосиски.

– Лучше иметь голову мухи, чем зад слона, – шепнул Леха, когда мы вошли в кабинет.

– А вот это мы сейчас узнаем, – обиделся комиссар, выказывая тонкий слух. – Руки... Руки!.. Руки!!!

На меня навалились трое, и я оказался в наручниках. Леха был прагматичнее – вовремя положил руки на стол. Признаться, я заужавал его еще больше. Он подмигнул мне. Теперь я вообще ничего не понимал. Сплошные загадки. Может быть, у местной полиции такая манера допроса? К моему удивлению юмоны выглушили всю нашу водку и шумно задышали носами.

Содержимое моих карманов оказалось на столе.

– Так... что у нас здесь?... – комиссар своими коротким пальчиками брезгливо и ловко отсортировал вещи: сотовый оставил себе, ключи от квартиры положил в карман брюк. Но прежде всего отдал мое служебное удостоверение сотруднику, и тот вышел из кабинета.

На Леху комиссар не обращал внимания. Леха был знаком. А значит, они не раз вдвоем лопали водку. Однако этот вывод мне ни о чем не говорил, разве что настораживал.

Затем комиссар обследовал портмоне, вытащил все банковские карточки, визитки, пару записок от моих приятельниц, которые я забыл выбросить, и один презерватив, который я не

использовал. Тщательно изучил фотографию моей последней пассии – Катажины Фигуры. И я даже пожалел, что таскал ее фотографию с собой. Большой нужды в этом не было. Разве что из-за преклонения перед женщиной, которая искренне меня любила. Но ради этого можно было и не стараться. Затем мне откатали пальчики, и комиссар, кривясь, долго вникал в информацию на мониторе. Я начал догадываться о причинах задержания. Похоже было, что мы с Лехой невольно стали участниками политических разборок. Дело в том, что этот город контролировали люди (я уже не говорю о черных ангелах), которые не разделяли взгляды “Петербургских ведомостей”.

А, как известно, “Петербургские ведомости” придерживались взглядов партии, стоящей у власти. И меня приняли за нюхача этой партии. Мне же, честно говоря, на политику было наплевать. Я работал за удовольствие, а не за страх, и мне моя работа нравилась.

Затем произошло то, чего я совершенно не ожидал. Стена за комиссаром заколебалась, словно плохое изображение в телевизоре, превратилась в длинный коридор, в глубине которого появились черные ангелы. Я не заметил в руках у них пресловутых “указок”, то бишь ах-пучей. Но двигались черные ангелы очень уверенно. Сегодня же суббота, а не черная пятница, успел подумать я. Это по пятницам в мире творится бардак, к которому невозможно привыкнуть.

В том месте, где кабинет переходил в коридор, образовалась широкая белая щель, в которую легко можно было выскользнуть – зазор между мирами. Не знаю, сообразил ли Леха, но я изготавился к прыжку, хотя мои руки были заведены за спину. Я готов был сунуться к волку в пасть, лишь бы не попасть в лапы к черным ангелам и не стать их черной, хитиновой куколкой.

На лицах юмонов отразилось изумление – вот что значит быть тупоголовыми! Один комиссар что-то сообразил – выхватил из ящика стола пистолет и, повернувшись, вцепил пулю в лоб первому ангелу. Тот упал так быстро, словно его дернули за ноги. По крайней мере, мне так показалось. Больше комиссар выстрелить не успел. Второй черный ангел выбросил перед собой руку. Клянусь, она была пустая. Я даже не понял, что произошло. Полицейских, которые стояли за нашими спинами, разбросало, как кегли. Комиссар отлетел к стене и, схватившись за живот, свернулся калачом. А мы с Лехой проскользнули в белую щель.

Это был тот случай, когда равномерность жизни нарушилась божественным проведением – нам угрожала опасность, а в лице черных ангелов пришло избавление. Правда, только не понятно, действительно ли нас с Лехой спасали или это случайное совпадение?

Я ошибся – мы не попали в иной мир, мы не попали к астронавтам, мы просто вывалились под окно полицейского управления в грязь и бутылочные осколки. Как я и ожидал, полнеба закрывала база черных ангелов без обычной плазменной защиты, и от нее к полицейскому управлению тянулся огромный шланг. Картина была сюрреалистическая. Шланг казался живым. Он покачивался и шевелился, как гусеница, ползущая по ветке.

Если над поселком, когда мы ехали, было просто хмуро, то теперь стало мрачно, как перед бурей. Жители попрятались в ожидании худшего. Видать, они знали что к чему. Комбинат по-прежнему дымил, и дым от него согласно розе ветров уносился на север.

– Бежим! – Леха уже снял с себя наручники. Недаром он вертел в руках скрепку.

Через пару кварталов он возопил:

– Да остановись ты, черт возьми!

Помнится, в былые времена он тоже отставал. А мое стремление переместиться подальше от полиции и от черных ангелов было основано на опыте двухгодичной давности. К тому же за нами следом явно кто-то бежал – не было времени разбираться.

– Да стой же!

Наконец задыхаясь, Леха догнал меня на заднем дворе какого-то бара, испуганные посетители которого прятались под стойкой. Леха сунул скрепку под елочку на наручниках. “Щелк!” – и скоба отскочила. Чтобы освободить мое второе запястье, ему понадобилось еще меньше времени. Я распрямился, массируя руку. На Лехином лице появилась знакомая ехид-

ная улыбка, а в глазах горел прежний азарт. Наконец-то Леха стал тем Лехой, которого я знал на Земле. Правда, мне было не до ностальгических умозаключения, с перепугу я повернулся, чтобы бежать дальше, но тут произошел этот самый сдвиг.

Сколько ни готовься, никогда не угадаешь. Последнее время я, как и все население Марса, кроме, наверное, хлыстов, предпочитал в пятницу валяться в постели ровно до одной минуты третьего. И то это не избавило от нескольких незапланированных приключений. В одном из которых мне сломали два ребра какие-то молодцы, которые ввалились в мою квартиру через стену кладовки. Правда, когда я вернулся в реальность, ребра были целые, хотя и болели. Молодцов так и не нашли. Метаполиция разводила руками, объясняя, что я попал как раз в те три процента преступлений, которые не раскрываются.

Но в этот раз все было по-другому. Во-первых, я понял, что сдвиг не микро, к чему мы все привыкли, а макро, то есть очень длительный. А это значило, что последствия его должны быть непредсказуемыми. В таких случаях даже метаполиция со всеми ее наворотами была бесполезна, потому что клиент чаще всего не возвращался на место переживаний. Статистически таких сдвигов времени происходило не больше двух-трех процентов. Но они все-таки происходили, и наука объясняла это неравномерностью процесса фиолетового сжатия вселенной. А так как сжатие должно было закончиться через миллионы лет, то человечество, кое-как приспособившись к нему, естественно, закрыло глаза на эту проблему и предавалось своим обычным грехам. Значило ли это, что астрологи в своих прогнозах относительно нашей судьбы ошибались, никто не ведал. Думаю, что не ведали и сами астрологи.

Не знаю, куда нас отбросило – в прошлое или в будущее, но мы очутились в каких-то развалинах: в выбитых окнах свистел ветер, и сквозь прорехи в крыше серело небо. Леха сообщил, озираясь:

– Это старая база...

– Какая база? – удивился я, полагая, что военные стояли только на полюсах.

– Какая? Какая? – сварливо переспросил он. – Военная! Отсюда до города полторы сотни километров. – Эко нас!.. Ха! – он почесал макушку, на которой уже наметилась лысина.

Дело в том, что временной сдвиг никогда так не срабатывал. От силы метров двести от того места, где он тебя заставлял. Поэтому метаполиция вовремя и реагировала. У них были секретные технологии перемещения в пространстве и во времени. В любом случае хоть за ноги, да вытащат. Подразделение было самым закрытым в мире. Уж поверьте моей журналистской информированности – в него не брали даже самых крутых и проверенных шпионов.

– Чего делать-то будем? – спросил я.

– Может, нас назад утянет? – наивно предположил Леха.

– Может, и утянет, – согласился я, – только когда? К тому же там ангелы и комиссар Ёмоё.

– Вот я и о том же, – грустно согласился Леха, разглядывая мусор под ногами.

– Здесь ничего нет, – сказал я, – даже полы сняты.

Действительно, стоило военным уйти, как местное население растаскивало все, что можно было растащить. В данном случае – кроме балок на крыше, потому что они были слишком массивными.

– Я слышал, – неуверенно произнес Леха, – что на таких базах осталось секретное оружие...

– Эх... – вздохнул я, выглядывая в окно, за которым виднелось заросли березы-копеечницы и низина с болотцем, на котором белела пушица, – нам хоть планшетник... – Был бы у нас планшетник...

– А это ты видел! – Леха с важностью полез в карман и достал заветный шарик, в котором крутился правильный многогранник – икосаэдр. – Только что толку – ключа-то нет.

Я радостно засмеялся, а потом обнял и потискал друга, потому что друг выказал наивность. Было бы здорово снова оказаться на Земле, где мы были молодыми, бесшабашными и нас любили женщины.

– Ты что?! Ты что?! – вырвался из моих объятий Леха, – он самый настоящий!

– Откуда он у тебя? – спросил я, отпуская Леху и прикидывая будет ли планшетник сенсацией.

Леха возмущенно покрутил многострадальным носом. Дело в том, что с планшетника все и началось и, похоже, не закончилось. На Земле планшетник мне подарила блондинка, которую убили люди из “кальпы”. К нему действительно нужен был брелок и треугольный ключ, которым можно было открыть глиняный портал – индивидуальный переход. Планшетник можно было отнести к разряду сенсация с большой натяжкой. В сознании людей он стойко ассоциировался с новыми технологиями, но даже к новейшим технологиям рано или поздно все привыкают, тем более, что ничего нового в Тунгусской зоне не появилось. Скорее всего, общественности просто лишнего не показывали. А вдруг ничего лучше планшетника ни марсиане, ни земляне от астросов не получили? Вдруг планшетник и брелок обладают еще какими-то свойствами, а мы и не знаем?

Теперь было понятно, почему комиссар проявил интерес и к Лехе – во-первых, бывший хлыст, во-вторых, имеет планшетник. Правда, Леха не настолько глуп, чтобы всем его демонстрировать. Но жена-то наверняка была в курсе дела. А если вспомнить о мастере проходки... В общем, темная история. Хотя из нее можно что-то высосать. Но во-первых, нельзя было подводить друга, а во-вторых, слишком мелко для серьезной статьи. Разве что каким-то образом связать с черными ангелами? Но главный, как пить дать, зарубит. Да и самому будет стыдно – выдавать Лехины тайны.

– Жаль только ключа нет, – вздохнул Леха, пряча планшетник в карман.

– А это что?! – я торжественно достал из заднего кармана брюк, который не удосужились обыскать полицейские юмоны, заветный ключ с брелком. – Давай планшетник сюда!

А еще говорят, что в жизни не бывает предвидений. Два года ключ с брелком валялись у меня в столе. Что-то меня подвигло захватить ключ с собой в командировку. Пусть теперь кто-то скажет, что не бывает интуиции!

Я взял в руки планшетник и потерял его. То ли мы торопились, то ли что-то сработало не так, но произошло следующее: мы пробили ветхую крышу и, как пробка от шампанского, вылетели из развалин. Аж в глазах потемнело. С планшетником так нельзя было поступать. Почему-то раньше масса нашего тела не сказывалась на перемещении. Может быть, только потому что мы пользовались планшетником на Земле, а на Марсе все было по-иному – карта местности ведь не раскрылась или она раскрылась, а мы не заметили.

– Третий закон Ньютона, – самодовольно изрек Леха, оглядываясь.

Мы висели метрах в двадцати над землей. Вокруг расстилалась каменистая тундра с редкими островками кустарника. На севере она переходила в долину – где-то там лежал городок с комбинатом и сумасшедшим комиссаром Ё-моё, у которого был большой зад и короткие пальчики, а еще дальше из-под ледника вытекала река Белая, которая питала пресноводное море Рифовой долины.

Форт был построен с умом – впритирку к пологой сопке. Полукругом. С бойницами и окопами. Все по уставу, все по правилам. Десяток ветхих домишек, несколько железобетонных капониров, которые мог определить только опытный глаз, и с десяток скособоченных антенн. К тому же на гребне сопки торчали еще какие-то укрепления. В общем, строили серьезно и надолго. На север убегала грунтовая дорога. Лужи на ее поверхности отражали свинцовое небо.

– Это первая линия обороны, – сказал Леха. – Там... – он махнул на восток, и я понял, что он имеет в виду противоположный склон Рифовой долины. – Там тоже такие же крепости. Наши контролировали все стратегические точки. А потом, когда воды стало вдоволь, ушли.

– Думаешь они за нами прилетели? – спросил я, не очень слушая его.

– Кто? – удивился Леха.

– Ангелы, – ответил я.

– Черт его знает, – сказал он задумчиво, разглядывая форт, заваленный ржавой техникой и кусками металла.

– Чую сердцем, что-то здесь затевается, – сказал я.

Леха внимательно взглянул на меня.

– Я этого уже два года жду.

– Приключений, что ли?

– А то... – ответил он горделиво.

У распахнутый ворот чернела коробка вездехода. Пятна окалины на бортах свидетельствовали, что он горел. Ветер рябил лужи, свистел во всем, что может свистеть, и нагонял тоску.

– А что от нас комиссар хотел?

– Насколько я понял, его интересовал ты, а не я. Он не поверил, что ты журналист.

– Если черные ангелы нас ищут, значит, скоро явятся сюда, – безразличным тоном заметил я.

– Думаешь, это они устроили временной сдвиг?

– Слава богу, процессы, связанные со сжатием вселенной, ангелы контролировать еще не могут.

– Ой ли... – возразил Леха, – что-то мне не верится.

Несомненно, он что-то знал, но не спешил поделиться информацией. Что на него вполне походило.

– А вот и гости, – сказал я.

– Где? – удивился он.

– Помнишь, нас кто-то преследовал в городе? – спросил он, понижая голос до шепота, словно в этой пустыне нас кто-то мог услышать.

– С той стороны? – показал я рукой.

Леха даже расстроился из-за того, что я оказался догадливым. Мы облетели казарму и увидели юмона, который целился в нас их своего глушителя мыслей.

– Брось, дурак! – скомандовал Леха.

Юмон помотал головой. Наверное, мы предстали перед ним в ужасном виде – как призраки или как демоны, потому что он ужасно нервничал.

– Брось! Мы тебя не тронем. А так – в пепел, и все дела!

Тогда юмон выстрелил: из ствола вылетели белесо-голубоватые шары. Признаться, это оказалось не самым приятным в жизни опытом. Лично у меня сразу схватило живот. Что почувствовал Леха, не знаю. Он тряс головой. Несомненно, одно, на Марсе планшетник срабатывал не так, как на Земле. На Земле нас юмон вообще не разглядел бы. В воздухе появился запах ночной фиалки. Так могло пахнуть только после выстрела глушителя мыслей, то есть нейтрализатора.

Поняв, что с нами ничего не произошло, юмон бросил оружие и задрал руки.

– Кретин! – выругался Леха, опускаясь на землю. – У меня теперь в ухе звенит.

– В правом? – наивно осведомился юмон.

Его рожки просвечивали, как две мозоли. И вообще, внешность юмона была хорошо подобрана под северного человека – то есть белобрысый, с невзрачным лицом и светлыми глазами.

– Ошибся, в левом.

– Значит, счастья не будет, – спокойно заметил юмон.

– Ты смотри, он еще и с юмором! – воскликнул Леха, с возмущением оглядываясь на меня.

Мне было не до проявления чувств – я корчился от спазмов в кишечнике. К тому же я не успел предупредить Леху, что с юмонами так не разговаривают. Дело в том, что юмоны были точной копией человека – как физически, так и психологически. И кто знает, обидчив это экземпляр или нет. Существовало даже понятие “сегрегация нелюдей”. Но кажется, юмон действительно был с юмором, потому что снисходительно улыбнулся и продемонстрировал руки – мол, больше оружия нет.

– Руки опусти и пошли! – скомандовал Леха.

Мы привели его к складу, юркнули внутрь и через мгновение предстали перед юмоном в натуральном виде.

– Тебя как зовут? – спросил я, держась за живот.

– Дуракон сорок пять, – скромно представился юмон.

– Как?! – вскричали мы с Лехой.

У меня даже живот прошел.

– Серия такая. А номер сорок пятый.

Он повернулся и с гордостью продемонстрировал аршинные цифры на куртке.

– Будем звать тебя Сорок пятым, – сказал повеселевший Леха. – Не против? А то Дуракон как-то странно звучит.

Юмон пожал плечами, и я вздохнул с облегчением – юмон оказался незлопамятным.

– Ладно, – сказал Леха. – Пока не стемнело, надо отсюда выбираться.

– По такой дороге нам три дня топать, – кивнул я в сторону поселка.

– Это если мы пойдем в наш поселок, – возразил Леха, – а если в следующую крепость, то завтра утром будем на месте.

– А там что, есть бар, – наивно спросил я, – и пиво?

– Там форт не разграблен, – назидательно пояснил Леха. – Его законсервировали. Есть связь с материком. Но добраться до него труднее. Дорога через долину. Правда, я по ней ни разу не ходил.

Заметно похолодало. Пошел редкий снег, и я вспомнил, что последний раз ел в самолете и что обед даже для экстра класса был более чем скромным. Леха скорчил недовольную мину и полез в карман. Все-таки он был жадноват. Надо ли упоминать, что у Лехи в карманах можно было найти все, что требовалось в любой жизненной ситуации. На этот раз он вытащил пол-литра водки и три кубика сушеного мяса. Я невольно посмотрел на Сорок пятого. Юмон был невозмутим, как скала. Даже не поморщившись, сделал большой глоток, а кубик заложил за щеку и принялся сосать, как всамделишный человек. Чудеса да и только. Остальную водку мы с Лехой разделили по-братски. Кубик я разгрыз и проглотил. От такой закуски есть захотелось еще сильнее, но зато окончательно прошел кишечник.

– Схожу-ка поищу что-нибудь съедобное, – сказал я.

Два года назад в схожих условиях мы утолили голод почерневшими макаронами. Но тогда мы путешествовали по базе черных ангелов, на которой имитировалась часть Земли с лесом, горами и избушкой. После этого никаких приключений, кроме развода с Полиной и продолжительного романа с Катажиной, в моей жизни не происходило. Наверное, я подспудно стремился к новым. Иначе бы зачем я прикатил сюда?

– А я сбегая в капонир, может, что-нибудь стоящее найду, – сказал Леха. – Сбор через полчаса на этом месте.

Сорок пятый, которому все было нипочем, сел на ящик, поднял воротник куртки и, прислонившись к обгоревшему вездеходу, закрыл глаза. Его не мучили никакие проблемы. У него была чистая совесть. И, честно говоря, мне было жаль для него мясного кубика и глотка водки. Юмоны легко обходятся без алкоголя. Их специально делали трезвенниками, выбирая из человечества наиболее устойчивый генный материал. Возможно, юмон был клоном самого стой-

кого трезвенника. Но возможно также, у это юмона были какие-то скрытые гены алкоголика, которые в обычных условиях не проявлялись.

Рассуждая таким образом, я отправился к домам. В первом ничего не обнаружил, кроме черного перца, рассыпанного на кухне. Здесь кто-то уже побывал: дверцы буфета были распахнуты, рукомойник опрокинут, крышка погребка откинута – следы сапог на полу. Я обследовал ящики стола, заглянул в погреб, из которого тянуло могиллой, и понял, что здесь пусто. В комнатах еще хуже – все перевернуто и разбито. Пахло человеческими нечистотами.

Зато во втором доме в кладовке за листом фанеры я нашел связку сухой кумжи – такой древней, что она была покрыта коркой соли. Значит, еще вкуснее. Уже выходя из кладовки, на удачу пошарил на полках: слева за балкой нащупав квадратную коробку. И уже догадываясь, что это такое, вытащил на белый свет пистолетные патроны. В сумраке, который царил в кладовке, патроны поблескивали, как пузатые поросята, похожие друг на друга. Тогда я принес из коридора ящик и встал на него и в глубине полки под какими-то коробками обнаружил тяжелый сверток. Это оказался большой армейский пистолет, завернутый в вафельное полотенце.

В это момент снаружи раздались странные звуки. Засовывая на бегу пистолет за пояс и не забыв связку кумжи, я бросился во двор форта.

Над воротами висел красный аэромобиль марки “яуза”, в котором собственной персоной восседал мордатый комиссар Ё-моё.

– Не стреляйте! – кричал он, высовываясь в окно. – Не стреляйте! Ё-моё! Давайте поговорим!

– Твоя работа?! – спросил я Сорок пятого, который как ни в чем ни бывало пожирал глазами начальство.

С другой стороны транспортера высунулся Леха и махнул комиссару нейтрализатором. Оказалось, что пока я искал еду, Леха вел здесь настоящие боевые действия.

Аэромобиль послушно опустился во дворе базы.

– Слава богу, что я вас нашел, – радостно сообщил комиссар, покидая свою машину.

– И что вас подвигло на сей подвиг? – спросил я, приближаясь и стараясь держаться так, что если комиссар надумает стрелять – у меня будет мгновение, чтобы выйти из зоны поражения и спрятаться за груды хлама, разбросанного во дворе.

– И вы еще спрашиваете? – по-одесски удивился комиссар. – Да если бы не я, вас уже на свете не было.

– Это почему? – удивились мы с Лехой.

– Потому что по адресу, где вы живете, – он выразительно посмотрел на Леху, – вас ждала засада черных ангелов.

– Ничего не понял, – удивился я. – Могли бы сразу нам сказать.

– Мне нужно было твердо знать, кто вы такой, – кивнул мне, как старому знакомому, комиссар. – А то сейчас ошибиться пару пустяков, ё-моё.

– Понятно. А это ваш сексот! – я выхватил пистолет и приставил к голове юмона.

К его чести, он даже не моргнул глазом.

– Хозяин, – спокойно сказал Сорок пятый, – я сделал все, как надо.

– Докладывать – его долг, – заступился комиссар, с любопытством наблюдая на мной. На лице у него было такое выражение, словно разговор шел о лошади.

За убийство юмона можно было получить пожизненный срок. Эту норму юридического права ввели совсем недавно по одной единственной причине – юмонов не воспринимали в качестве людей и убивали при каждом удобном случае. Теперь их приравнивали к человеческим полицейским. А вот сколько давали за убийство черного ангела, никто не знал. Похоже, они сами разбирались со своими обидчиками. Отныне комиссар Ё-моё у них на крючке.

– Ладно, – сказал я Сорок пятому. – Еще один такой фокус, и я продырявлю тебе башку. Выходит, комиссар, вы наш спаситель? – я спрятал пистолет.

Леха с удивлением взирал на меня – он не имел понятие, что у меня было оружие. Я подмигнул Лехе.

– Выходит, – согласился комиссар.

– А связь у вас есть? – спросил я и посмотрел на юмона.

Известно было, что юмоны обладали встроенными радиостанциями. И вообще, много чего умели. А значит, мы с Лехой дали маху, оставив юмона в живых.

– Боюсь, что это невозможно. Хотите, чтобы черные ангелы явились сюда?

– Если вы только их за собой не притащили, – кисло произнес Леха, всматриваясь в бескрайнюю тундру.

– Здесь вам тоже нельзя оставаться.

– Нам, – напомнил я, – одного из них вы убили.

Солнце выглянуло в прореху туч, и тусклые краски тундры вспыхнули оранжевым и бордовым, лишней раз напоминая, что наступила осень.

– В пятницу я получил обычную информацию, что прибудет журналист, – как ни в чем ни бывало поведал нам комиссар, усаживаясь в аэромобиль. – А в субботу утром из агентурных источников узнал, что вас хотят захватить черные ангелы.

– Комиссар, мы квиты, – сказал я, совершенно не поверив ему. – Поехали. С чего бы им меня захватывать?

– Люди всегда неблагодарны, – проворчал комиссар, и мы плавно взлетели.

Леха сидел на заднем сидении рядом с юмоном и теребил сухую рыбу. Кажется, юмон тоже что-то жевал.

Рифовую долину мы пересекли очень быстро. Блеснула полоска воды, по которой бежали крохотные белые волны, потом появились горы, а на них – огни. Леха высказался:

– А это что за черти?

– Геологи... – ответил комиссар.

– Здесь не было геологов, – удивился Леха. – По крайней мере, я о них не слышал.

Мне надо было срочно с ним поговорить. Что-то мне не нравилось в комиссаре. Каким-то он был правильным. А с правильными полицейскими мне не приходилось встречаться. Соглядатая к нам приставил. Не верил я в совпадения, с кем угодно, но только не с нами.

Не успели мы сесть, как машину окружила пестрая толпа. Да не какая-нибудь, а негров. Все галдели, и в сумерках их белозубые улыбки казались страшным оскалом.

– Черт! – выругался Леха. – Только черномазых не хватало.

Было чему удивится. Мало того, что из всех народов, населяющих Марс, афромарсианцы были самыми малочисленными, они каким-то чудом попали за шестьдесят девятую параллель. Да еще и в военный форт.

Впрочем, от форта осталось одно название – Кагалма. Мы это поняли сразу, как только покинули аэромобиль комиссара Ё-моё. Дома, правда, были сохранены. Заселены были и военные объекты. Пахло свежеспеченным хлебом и какой-то экзотической похлебкой. Мне страшно захотелось есть.

Вперед вышел большой человек и что-то сказал.

– Нас приглашают ужинать, – перевел комиссар Ё-моё.

Леха необычайно оживился:

– Мы согласны!

Окруженные толпой, мы отправились в самое большое здание, которое судя по всему было когда-то казармой. Во всю длину помещения был накрыт стол. Я хотел спросить, кого ждали радушные афромарсианцы, но не успел оглянуться, как ни комиссара Ё-моё, ни юмона рядом уже не было.

– Бахагн, – спросил я человека, который был за главного, – вы что нас ждали?

Он что-то ответил, но я ничего не понял. Возникла пауза. Бахагн улыбался. Мне, честно говоря, было не до шуток – получается, что столы накрыты в нашу честь. Ерунда какая-то.

– Что ты пристал к человеку?! – возмутился Леха. – Садись и не бери в голову!

Ему не терпелось выпить. Это было написано у него на роже.

– Век бы тебя не видеть, – проворчал я в сердцах.

Вначале нам смотрели в рот, и мы подняли несколько тостов за наше же здоровье. На голодный желудок местный напиток ложится волшебным бальзамом. У меня так бывало: если я не пью слишком долго, то первые три дня хожу трезвым, как стеклышко – ничего не берет. Потом потихонечку выдыхался – печень уставала и начинала болеть голова.

Постепенно о нас с Лехой забыли, и мы налегли на жаркое.

Потом появилась высокая и толстая негритянка в оленьих шкурах. Начались экзотические танцы под не менее экзотическую музыку. Вслед за этим принесли большой сосуд, и любой желающий мог кинуть в него объедки. Толстая негритянка перемешивала содержимое сосуда, вынимала содержимое и гадала. При этом она безошибочно угадывала владельца объедок.

– Я своего будущего не знаю, кроме того, что подохну в одиночестве, как собака, – сказал с обидой Леха.

Мне стало его жалко. И я налил ему еще. Он выпил и совсем раскис:

– Я так люблю свою жену...

Стало совсем тоскливо. Я вспомнил Полину Кутепову. Мы прожили семь лет. У нас была дочь Наташка. Но по решению суда я не должен был приближаться к их дому ближе, чем на триста метров. Первые два года я сильно страдал. Особенно скучал по Наташке. А затем свыкся. Человек ко всему привыкает.

Леха размазывал слезы по лицу и вздыхал, как тюлень. Толстая негритянка безраздельно владела вниманием наивных соплеменников. Их вождь Бахагн от нетерпения подпрыгивал на своем троне из оленьих шкур.

Наступила пора делать ноги. Я подхватил Леху под мышки и поволок в темноту. Уж очень быстро он набрался.

Снаружи царствовал ветер. Он прилетал с севера – холодный и дерзкий. Я любил его, как любишь старые воспоминания. Он охлаждал щеки и залезал за воротник.

– Привет... – сказал я, опуская Леху на землю, – привет, старый бродяга.

Мне показалось, что Леха что-то бормотал. В пьяном состоянии он нес всякую чепуху. Срочно надо было найти аэромобиль комиссара. И ничего, что у нас с Лехой не было ключей – в чем, в чем, а в технике я разбираюсь.

– Вам тоже нравится смотреть на звезды? – спросил кто-то за моей спиной.

Я оглянулся. Это был белый. Среднего роста. В очках и какой-то чокнутый.

– Я прихожу сюда каждый вечер, когда выпадет первый марсианский снег. Все это... – он показал на лежащую там в темноте долину. – Все это отражает лунный свет и маленькие зеленые человечки пляшут на льду.

Черт, подумал я, сумасшедший.

– Вы подумали, что я сумасшедший? – спросил человек, словно угадав мои мысли.

– Нет, – соврал я. – Не подумал.

– Понтегера, – представился он с легким поклоном и шелкая каблуками.

– Не понял? – переспросил я.

Это был не мой день – я плохо соображал. После трех часов полета, водки и всех приключений голова у меня гудела. Но оказывается, приключения еще не кончились.

– Рем Понтегера, – повторил он, не отрывая взгляда от долины.

– Простите... Викентий... Сператов... журналист.

– Искатель истин?! – то ли спросил, то ли риторически воскликнул Рем Понтегера.

Я промолчал, потому что обычно не представлялся журналистом – если в этом не было надобности. Период, когда я метал икру, рассказывая, какой я умный, давно прошел. Теперь я знал, что жизнь – жестокая штука. Везет в ней далеко не всем. И вел себя скромнее.

– Пойдемте, – предложил он, – я кое-что тебе покажу.

Мое секундное замешательство привело его в восторг.

– Не бойтесь, – он схватил меня двумя руками за воротник куртки, и я увидел, что глаза у него за стеклами очков светлые, как туман над рекой, и дикие, как у кошки.

– Я и не боюсь, – сказал я из вежливости. – Идемте. Но надо взять... – я осторожно пнул Леху, лежащего на боку, как мешок с картошкой.

Казалось, Понтегера только теперь обратил внимание на Леху. С минуту он сосредоточенно пялился на него.

– Друг. Круглов, – представил я Леху.

– А я знаю, – ответил Рем Понтегера.

Я не успел спросить, откуда он знает Леху Круглова. Рем Понтегера повернулся и пошел в темноту. Мне осталось только, кряхтя, подхватить друга и последовать за Ремом Понтегера, ориентируясь по едва различимой фигуре, поминутно спотыкаясь о камни и чертыхаясь. Со стороны казармы доносилось хоровое пение.

Внезапно Рем Понтегера остановился, и я с разгона налетел на него.

– Ужасная привычка переходить на ты, – извиняясь, Рем Понтегера, ткнул меня пальцем в грудь.

– Ничего... – сказал я миролюбиво, топчась на месте, – бывает.

– Я рад нашему знакомству, – заметил он.

Меня вдруг осенило. Я едва не уронил мирно посапывающего Леху. Он него несло табачком, кислятиной и еще какими-то козлиными запахами.

– Послушайте... – сказал я.

Мы стояли перед чем-то массивным и темным. Потом это массивное и темное вдруг разрежала яркая полоса света. Я зажмурился. Рем Понтегера бесцеремонно подтолкнул меня в спину.

– Осторожно ступенька...

Я едва не рухнул вниз. Из подвала тянуло сыростью и конюшной. На свету я разглядел, что Рем Понтегера рыжий, как лиса, и волосатый, как енот, – из-под ворота рубашки торчала густая поросль.

– Я знал, что ты придешь, – сказал он, с непонятной тревогой поглядывая вниз.

– Почему? – спросил я, внимательно смотря под ноги – лестница была крутой и шербоатой, словно по ней часто ходили.

Рем Понтегера загадочно улыбнулся.

– Знал, и все.

– Послушайте, – снова сказал я, поправляя Леху на плечах. – А что вы празднуете?

– Как что? – удивился Рем Понтегера. – Новый год.

– Какой новый год?

Сердце мое упало куда-то в пятки.

– Какой, какой?! – удивился Рем Понтегера. – Год бывает только один – новый.

– Какой именно?! – гнул я свое.

На этот раз Рем Понтегера снизошел до объяснения.

– Две тысячи сто восемнадцатый.

– Не может быть... – осипшим голосом произнес я и едва не уронил Леху.

– Почему не может быть? – удивился Рем Понтегера. – А какой ты предпочитаешь?

– По меньшей мере две тысячи сто шестнадцатый. Да и до нового года еще два месяца...

– А мы празднуем один и тот же год сто двадцать пятый раз.

Я не успел спросить, что это означает. Мы двигались по длинному коридору. С одной стороны он был освещен, с другой – терялся в темноте.

– Вы говорите загадками, – сказал я, когда мне надоело считать шаги.

– Точно так же, как и ты, – насмешливо парировал Рем Понтегера.

– Какими? – удивился я.

– А не ты ли обладаешь способностью перемещаться во времени? Тебя здесь все ждали.

– Кто именно?

– Ваш комиссар, наши враги, то бишь астросы с черными ангелами, и ваш покорный слуга.

– А вы при чем?

– При том, что только при этом сдвиге времени я могу вернуться домой именно в то время, когда я его покинул.

Я все понял. Это была ловушка. Тайна, которую, кроме Лехи знали еще два человека: Люся и Лука. Но Люся осталась на Земле. А вот Лука... И тут меня озарило. Конечно Лука! Кто еще остался на базе в обществе черных ангелов?! После всех приключений и треволнений Лука нас предал. Теперь он наверняка выполняет какое-нибудь задание черных ангелов, то бишь их хозяев – астросов, которые высасывали соки из человечества. Без Луки здесь не обошлось. Черт! И Леха напился. Я попробовал было привести его в чувства и сообщить, что нас выбросило на два года и два месяца в будущее, но он только мычал и нес какую-то ахиною о своей горячо любимой женошке. Послал бог напарника. Надо было срочно убираться из форта, пока мы не остались здесь навечно. Два года назад я тоже думал, что неосознанно влияю на время. Но с тех пор у меня не было случая испытать себя.

Похоже, нас с Лехой использовали вслепую. Правда, я не понял, каким образом и при чем здесь комиссар Ё-моё? Если он только связан с черными ангелами. Но я точно видел, как он убил одного из них.

– Тихо! – вдруг сказал Рем Понтегера и поднял руку.

Мы замерли. Где-то в трубах текла вода.

– Ничего не слышу, – признался я.

– Тихо!

Тогда я услышал какие-то неясные голоса, больше похожие на бормотание. Рем Понтегера вдруг побежал. Я за ним. Пот лил с меня в три ручья – Леха был тяжел, как покойник, и дышал в ухо перегаром.

– Я их не боюсь, – поведал мне Рем Понтегера на бегу, идиотски хихикая.

Сделал он это так искренне, что я усомнился в собственной здравости. На мгновение показалось, что он во всем, во всем прав, а я не прав. И что его мировоззрение о зеленых человечках самое что ни на есть честное. И поэтому он – Понтегера – расскажет мне что-то такое, что превосходит весь мой жизненный опыт. Однако в следующее мгновение скептицизм взял во мне верх и я снова стал прежним Викентием Сператовым.

– Кого, их? – спросил я, тоже не останавливаясь.

– Черт! – выругался Рем Понтегера. – Я думал, ты сразу поймешь!

– Пойму! – зло сказал я, потому что мне надоело таскать растолстевшего Леху и выслушивать тайны полоумного человека.

– Вначале я должен подготовить тебя, – Рем Понтегера резко остановился.

По инерции я снова ткнулся в него. Леха недовольно проворчал во сне. Езда на моей спине казалась ему слишком тряской.

Во мне было больше любопытства, чем страха. И то правда, что Рем Понтегера мог со мной сделать. Я был выше его на голову и судя по всему тяжелее килограммов на двадцать.

К тому же за поясом у меня торчал большой армейский пистолет. И я точно знал, что в ствол был дослан патрон.

С минуту Рем Понтегера снова вслушивался в тишину. Затем потащил меня дальше. Подземелье разветвлялось на множество коридоров. Кое-где горели лампочки, вокруг которых еще больше сгущался мрак.

– Смотри! – почти торжественно воскликнул Рем Понтегера.

Мы стояли на металлической площадке, вниз вела лестница.

– Куда? – спросил я, потому что, кроме бесчисленных решеток и прутьев, ничего не видел.

– Вот они... – выдохнул Рем Понтегера, – не так! Не так! – потребовал он и отвернулся.

И тогда я действительно увидел – какие-то вовсе не зеленые дергающиеся тени там, где было особенно темно. Но с таким же успехом это могла быть игра воображения. Так или иначе, но Рем Понтегера заставил меня усомниться в самом себе.

– Узрел?! – Рем Понтегера оскалился, не поворачивая головы в сторону решеток.

– Да... – боясь его расстроить, неопределенно согласился я.

По-моему, даже Леха проснулся, потому что проворчал что-то типа: “Дайте поспать, козлы!..” и брыкнулся, как бычок. Меня зашатало.

– Все ради тебя... – поведал Рем Понтегера, спускаясь вниз.

Легкий озноб пробежал у меня по спине. Всю жизнь я не верил ни в какую чертовщину, почему я должен верить сейчас?

Пришлось тащить Леху дальше. Его ноги гулко стучали по ступеням. Рем Понтегера даже не потрудился помочь. А Леха становился все тяжелее и тяжелее.

Странное подозрение возникло у меня. Я почти уверовал, куда, а главное, зачем мы бежим. Нет, Понтегера не был сумасшедшим. Он жил на грани миров и искренне верил в маленьких зеленых человечков. Впрочем, от Марса можно было ожидать всего, что угодно, в том числе и чудес, потом что Марс еще не был досконально изучен. Я даже обрадовался: если Понтегера связан с очередной тайной Марса, то редакционная статья у меня в кармане. Отдам ее в отдел криптозоологии или под псевдонимом – в конкурирующую газету. Все деньги.

Мы свернули раз, потом еще куда-то, потом еще и еще. Спускались, поднимались, карабкались и дышали спетым воздухом подземелья. Я вконец запутался, еле волочил ноги и слышал только своей хрипкое дыхание. Наконец Рем Понтегера повернул такое же колесо, как на военном корабле, с трудом открыл массивную дверь, и мы попали на эстакаду. Запахло точно так же, как на базе черных ангелов, то бишь астросов, по которой я бродил два года назад, – навозом и сеном.

Я расстегнул куртку. Рубашка под ней была мокрая – хоть выжимай. В ушах звенело от натуги. А Леха преспокойно видел десятый сон и по-детски почмокивал. Идиот!

Теперь, если прислушаться, в могильной тишине подземелья можно было угадать все что угодно: и человеческую речь, и вопли маленьких зеленых человечков. Недаром Понтегера свихнулся. Силы мои были на исходе.

– Ты сможешь мне, я помогу тебе... – бормотал Рем Понтегера, спускаясь по очередной лестнице.

– Как? В чем?

Я терялся в догадках.

– Ты уже помог...

В голосе Рема Понтегера слышались торжественные нотки.

– Вы говорите загадками, – почти стонал я, следуя за ним.

– Как только ты их увидишь, тотчас все поймешь, – торжественно сказал Рем Понтегера и посмотрел на меня белыми безумными глазами.

– Кого их? – спросил я скептически.

Мне хотелось одного – улечься где-нибудь под стенкой и поспать минут шестьсот.
– С крыльями... – поведал он.

Нет. Не может быть, вяло подумал я. Так не бывает. Слишком просто. Реальность страшнее любых зеленых человечков – тюрьма под землей. Об этом поговаривали в редакции, но на уровне слухов. Никто не верил. Даже Алфен с его чутьем. Это была тайна за семью печатями, раскрытие которой могло привести к прямому столкновению с астросами. А как известно, астросы обладали абсолютной властью над человечеством, да и вообще во вселенной. Не дай бог с ними связаться, хотя они и не вмешивались в дела человечества миллионы лет, но тем не менее.

Правда, оказалось, что наши военные тоже не лыком шиты. Кое-что они умели. Например, захватить базу, а всех его обитателей упрятать в это подземелье. Я все еще не верил в удачу. Последнее время мне не особенно везло, хотя я и не потерял профессионального чутья. Спокойная жизнь засасывает, как болото.

– Там... – со страхом произнес Рем Понтегера и остановился.

Во внутреннем кармане куртки у меня лежал фотоаппарат. Я уложил Леху на пол и потряс руками, чтобы они не ходили ходуном и чтобы побыстрее восстановить кровообращение. Едва различимые отблески света давали возможность сносно ориентироваться. К тому же пахло навозом. Скорее даже не пахло, а воняло, поэтому я знал, куда надо идти и что делать.

Мною овладел журналистский азарт. Такой же азарт я испытывал на Земле, в Питере во время восстания хлыстов. Но тогда все приключения закончились благополучно, хотя Мирон Павличко превратился в куколку черных ангелов и погиб (не проходило и дня, чтобы я не думал о нем), а мы с Лукой побывали в плену у хлыстов и совершили дерзновенный побег, который организовал Леха. Одних приключений на Земле с лихвой хватило бы на всю жизнь и толстенную книгу.

И еще – я не очень-то верил в способность военных держать черных ангелов в узде, то есть в тюрьме – слишком могущественны были астросы. Потом – этот сумасшедший Понтегера. Для очистки совести я направил объектив в темноту и нажал на затвор. Серия вспышек вырвала из темноты оскаленные, изможденные лица. Это были черные ангелы! На матрице фотоаппарата они выглядели зловещими тенями, и было такое впечатление, что они готовы броситься на меня.

Их было много – сотни, тысячи. Черных, бурых, с рубиновым отливом. Копытающихся, ползающих, мычащих, стонущих.

Я отпрянул. Фотоаппарат продолжал снимать.

Рем Понтегера обрадовался. Он скакал вдоль клеток, как заяц, и кричал:

– Видел? Видел?! Видел!!!

Да, я видел, что кое-кто из черных ангелов был в звании полковника, и даже трех метатронов, которые были в особых доспехах, а на лбу у них красовался рубиновый икосаэдр.

– Черт! – выругался я. – Да это действительно тюрьма!

Черные ангелы бросились к решетке.

– Выпустите нас отсюда! Выпустите!

Первым моим порывом было открыть клетки. Я даже поискал глазами, чтобы такое засунуть под душку замка, чтобы сломать его.

– Викентий! – позвал кто-то.

Рем Понтегера сделал знак, чтобы я не отвечал. Как по команде замолчали и черные ангелы.

– Это комиссар, – зашептал я.

– Это не комиссар, – горячо возразил он.

– А кто?

– Черный ангел.

– Послушайте... – начал я.

– Он убьет тебя и твоего друга!..

Потом я услышал звук перезаряжаемого винчестера и упал на то место, где посапывал Леха. Но его уже там не было. Пистолет выскользнул из-за брючного ремня и со стуком отлетел в сторону. Эхо отозвалось через секунду.

– На вашем месте я бы не дергался, – ехидно крикнул комиссар Ё-моё.

– Вы за нами следили? – спросил я, перекаtywаясь на спину.

Тотчас же грохнул выстрел. Сноп пламени озарил бесконечные решетки, низкий потолок и колонны, подпирающие его. Картечь ударила в стены, и в воздухе повисла пыль. Я услышал, как на пол упала гильза и как Сорок пятый перезарядил винчестер. В ушах стоял грохот от выстрела, но было такое ощущение, что я различаю каждый звук в отдельности. Эхо гуляло в лабиринтах подземелья.

– Эй!.. – крикнул Ё-мое. – Ты еще ничего не понял?

Я лихорадочно искал пистолет. Он не мог далеко отлететь. Потом я спрятался за колонну. Сердце готово было выскочить из груди. Леха и Понтегера куда-то пропали. Мне очень не хотелось оставаться в этом времени навсегда.

– Что я должен понять? – крикнул я.

“Понять... понять... понять” – зашуршало эхо.

Я сделал два глубоких вдоха и высунулся. Единственного я не учел, что Сорок пятый, в отличие от меня, прекрасно видит в темноте. Правда, он не мог стрелять с того места, где стоял, иначе рисковал попасть в черных ангелов. Я услышал, как он перебегает – бесшумно и легко. Но мой слух уже был обострен тишиной подземелья.

– Сынок! – крикнул комиссар Ё-моё через мгновение. – Ничего личного. Мы просто тебя убьем!

В его голосе прозвучали торжественные нотки.

– Почему?

– Потому что твоя способность перемещаться во времени на этот раз сыграла против тебя.

– И вы пустили за мной хвост! Это подло!

– Это хорошая уловка, – засмеялся комиссар Ё-моё. – Ты еще не оценил Сорок пятого. Эхо издевательски молчало.

Я сделал два выстрела в сторону комиссара Ё-моё и перекатился ближе к клеткам. Судя по всему, комиссар Ё-моё стоял на эстакаде и руководил оттуда действиями Сорок пятого.

Я услышал, как черные ангелы перешептываются в темноте. Слова шелестели, как бумага. Они мечтали о свободе и новых непокоренных мирах. Глупо было держать их здесь, если время менялось непредсказуемо.

– Ау! Где вы?! – спросил комиссар Ё-моё.

“Ау, ау, ау...” – донеслось из коридоров.

Он заговаривал мне зубы, пока Сорок пятый подбирался на расстояние верного выстрела. Для этого ему пришлось сделать порядочный круг и зайти с дальнего края клеток. Он был так уверен в себе, что последние несколько метров даже не осторожничал, хотя и предпочел сделать перебежку до ближайшей колонны. Это была его ошибка, потому что я знал, где находится колонна по отношению ко мне. После колонны он должен был перебежать к решетке и только тогда стрелять.

Два шага к решеткам были последними в его жизни: я разрядил обойму в темноту и в отблесках выстрелов увидел, как Сорок пятый упал на пол. Надеюсь, я его убил. Хотя убить юмона сложно. Юмоны живучи, как кошки.

После этого я побежал в том направлении, куда по моим расчетам Рем Понтегера утащил пьяного Леху. И когда я уже вообразил, что мне ничего не угрожает, сзади ударил выстрел и я упал.

Глава 2

Столица мира

Первое, что я увидел, когда открыл глаза, был огромный черный пистолет с вычурной скобой, лежащий на краю тумбочки. С минуту я рассматривал его. Телефон выводил трели: “Трум-м... трум-м... трум-м...” Так и не вспомнив, откуда у меня оружие, я сполз с кровати и нашел трубу под ворохом одежды в кресле с высокой спинкой. В ухо ударил баритон Алфена:

– Ты еще спишь, сукин сын?!

По утрам он всегда был раздражительным, пока не выпивал чашку кофе со сливками в обществе новой секретарши – полчаса благоденствия для всей редакции. Большой роскоши Алфен себе позволить не мог. Потом выгонял слегка помятую Верочку Матюшину и принимался за нас. Здесь на Марсе он стал грубее и жестче, словно муки старости овладевали им.

– Уже проснулся, – бодро ответил я, почесывая левое плечо, на котором откуда-то появился болезненный бугорок.

– Лучше бы не просыпался!

– Нас разгоняют? – осведомился я, потому что подобные слухи постоянно муссировались в редакции.

– Если бы! – саркастически воскликнул Алфен.

Должно быть, он сам мечтал об этом, чтобы по воле судьбы освободиться от того ярма, которое на старости лет тянул в виде редакции.

– На что вы намекаете? – спросил я, с удивлением прислушиваясь к звукам в квартире: кажется, в ванной кто-то брился.

– На твой отчет!

Я покосился на часы. Девять утра. Что-то рановато. Неужели, Алфен из-за меня отказал себе в маленьких радостях? Это значило, что дело серьезное. А я-то старался: накануне отослал краткое сообщение, из которого еще не значило, что я обнаружил черных ангелов. Надо быть полным идиотом, чтобы раструбить об этом всему свету. К тому же общеизвестно, что все события, происходящие во временном сдвиге, не имеют юридической силы. Ты даже можешь заявиться к своему начальнику и дать ему по рогам – это не будет преступлением. Хотя, во-первых, тебе это не удастся по многим причинам, не считая моральных – и главная из них квадрупольность временного сдвига, то есть приближение к искусственности (на общем фоне скалярного поля всегда оставался след), что исключало вольного обращения – в этом-то и вся сложность для злоумышленников, а во-вторых, для чего же тогда существует метаполиция? Как известно, с ней-то как раз шутки плохи.

– Ну и что? – спросил я тем тоном, которым обычно злил Алфена.

– Где ты шлялся в понедельник?!

– А какой сегодня день?

– Вторник!

– Не может быть... – оторопел я, на мгновение забыв о странном бугорке на левом плече.

– Может! – перешел на фальцет Алфен. – Может!!!

– Я сейчас приеду, – пообещал я.

– Можешь не стараться, – заявил Алфен, – ты уволен!

– Вы не можете со мной так поступить! – крикнул я в трубу.

– Могу! Я все могу!

И дал отбой.

В этот момент в комнату вплыл улыбающийся Леха.

– Привет...

От него пахло моей зубной пастой. Он был в моей пижаме и освежался моим одеколоном. Его морда блестела, словно блин, а на руках был сделан маникюр. Если на Земле он носил причёску, как поросль у слона под мышкой – а-ля петушок, то на Марсе старательно зачесывал волосы на бок, что в сочетании с круглой рожой придавало ему слегка купеческий дебильный вид. Недаром его бросила жена, злорадно подумал я.

Тем не менее я попросил:

– Ущипни меня...

– Если я тебя ущипну, – Леха решил поиздеваться, – ты окончательно спятишь. У тебя вид, словно ты увидел астронавта. – Он опасливо покосился на пистолет и спросил почему-то шепотом: – Ты действительно считаешь, что мы влипли?

Если сегодня вторник, то до пятницы далеко, как до земной Луны. Значит, действительно случилось что-то из ряда вон выходящее. Куда-то пропал понедельник! Если черные ангелы и временной сдвиг звенья одной цепи, то мы накануне грандиозных событий. Думаю, Леха и сам сообразил, что дела дрянь. У меня появилось плохое предчувствие.

Я пошел на кухню, предоставив Лехе возможность, не смущаясь, освежаться моим одеколоном и ходить в моих тапочках, и обнаружил, что в кабинете на кожаном диване кто-то спит: из-под одеяла торчала рыжая волосатая рука. На ковре валялись мастырки и двухлитровая бутылка из-под пива “Ладожское”. А в комнате стоял характерный запах. Идиот, подумал я.

– Ты кого привел? – спросил я, оглядываясь на Леху, который выкатился следом. – Поменял ориентацию?

В былые времена на Земле мы тоже пьянствовали до потери ориентации в пространстве и времени, но никогда не курили траву на диванах и в постелях.

Леха идиотски захихикал. Я-то знал, что он однолюб – любит одних Татьян женского пола и племени. И вообще, он был как огурчик – бодрый и подтянутый, готовый к подвигам, что меня почему-то страшно раздражало. Но смена климата явно пошла ему на пользу.

Очевидно, Леха наслаждался моим возмущением и еще тем, что я ничего не понимаю.

– Вот почему ты хромаешь? – спросил Леха как ни в чем ни бывало.

Действительно. Левая нога болела. Я задрал штанину пижамы и осмотрел икру. На коже виднелись едва заметные фиолетовые пятна, как от дробинок.

– Мы попали в перестрелку? – спросил я, опуская штанину и показывая свое плечо.

– Еще бы, – засмеялся Леха.

– Ну не томи, – попросил я.

– А сам не помнишь, что ли?

– Помню твой город... сопки... комиссара Ё-моё...

– Ну... – выжидательно оскалился Леха.

И я понял, что раздражает меня не сам Леха, а все, что с ним связано. Плохо иметь друга, который напивается в самый неподходящий момент – у меня до сих пор болели спина и шея – что оказалось первым посылом к целому ряду ассоциаций.

– Помню, что пили в машине... Ах, черт!..

Это было похоже на вчерашний сон, в котором нет ни начала, ни конца. И чем дольше я вспоминал, тем ярче был сон. Теперь я понял, что внес в отчет только события до нашего перемещения во времени. А Алфен решил, что я сорвал задание и прогулял целый день. Но все рано это еще не повод, чтобы увольнять сотрудника. У нас случались разногласия и похуже. Значит, Алфен что-то хотел мне сообщить. Например, о том, что за меня принялась мегаполиция. Все было возможно. Однако, возможно, я просто идеализировал Алфена.

В этот момент на лестнице, которая вела на второй этаж, раздался грохот, и через мгновение в кухню, шлепая босыми ногами и потирая ушибленный зад, ввалился Рем Понтегера. Отрешенно налил в кружку рассола из банки с огурцами, с жадностью и захлеб выпил.

– Что мы вчера пили? – спросил он, хрипло откашливаясь.

Его опухшее лицо выражало страдание. Только теперь я обратил внимание на бардак, который царил на кухне. Хотя я жил один (с проходящими женщинами, разумеется), у меня всегда был идеальный порядок. А теперь: стол был заставлен объедками и разнокалиберными бутылками. Мало того, они беспечно перекатывались под ногами. Воняло тюлькой, косяками, солеными огурцами и еще бог весть чем. В мойку была свалена грязная посуда, а электрическая плита – залита каким-то подозрительно зеленым соусом. Сразу было видно, что хозяйничали земляне, которые не меняли своих привычек и на Марсе.

– Лично я пил водку, – сообщил Леха таким тоном, словно был бессмертным и имел три печени.

– А я что?.. – с укоризной протянул Рем Понтегера, цыкая сквозь зубы, и покаялся: – А я ее запивал пивом...

Он болезненно вздохнул. Глаза у него теперь были белесыми, а как у морского окуня, которого вытащили со дна моря – и не марсианского, а земного, разумеется, потому что на Марсе морских окуней не водилось – не завезли еще.

– Не знаю... я с вами не пил... – сказал я и выглянул во двор. Так и есть – под окнами стояла красная “яуза” комиссара Ё-моё.

Надо ли говорить, что в марсианском Сестрорецке я жил не в многоэтажке, а в нормальном доме, деревья вокруг которого были высокими и большими. Так вот, в тени одного из этих деревьев – березы – прятался юмон. Я его сразу узнал. Это был Сорок пятый.

– Черт! – я задернул штору и прижался к стене. – За нами следят!

– Кто?! – возмутился Леха.

Конечно, он высунулся из окна по пояс и заорал:

– Эй, катись отсюда, а то подстрелю!

Он явно намекал на мой огромный черный пистолет с вычурной скобой, с которым было связано какое-то приключение, о котором я ничего не мог вспомнить.

– Не могли машину поставить где-нибудь подальше! – вспыхнул я.

– Сейчас поедem в редакцию, – лениво возразил Рем Понтегера, выскивая в банке из-под кильки, которая служила пепельницей, мастырку побольше и потолще.

Теперь при свете дня Рем Понтегера не казался таким таинственным и, конечно – не сумасшедшим. Был он в трусах и футболке, из-под которой обильно торчала рыжая поросль, а необычайно светлый цвет глаз, несмотря на похмельный синдром, говорил о том, что передо мной классический абориген во втором поколении. У самого меня были светло-зеленые глаза, а кареглазые на Марсе почти не встречались.

– Простите, а какое отношение вы к ней имеете? – удивился я.

– Ты что! – возмутился Леха, с грохотом закрывая окно. – Это наш главный редактор... – он торжественно ткнул в Рема Понтегера пальцем, таким странным образом представляя его мне.

– Насколько я знаю, главный редактор Алфен.

– А до этого был я, – равнодушно зевнул Рем Понтегера, расчесывая одной рукой поросль на груди, а другой прикуривая от зажигалки. – Только я в этой самой петле времени застрял.

Если это правда, то прощай моя карьера главного редактора, отрешенно подумал я и спросил с иронией:

– В какой, в какой петле?

Мне было неприятно, что у меня в доме курят марихуану, и еще мне надоели их недомолвки. Они разговаривали со мной таким тоном, словно я был причиной их несчастий. К тому же я им не верил – ни единому слову. Ну ладно Леха – он мой друг, я к нему привык и все прощал, но Понтегера – едва знакомый человек.

– Бабон...

– ?..

– ...Из которой ты нас и вытянул.

– Оп-па!.. – воскликнул я, чувствуя, как у меня вытягивается лицо. – Приехали. Тень на плетень наводит изволите. Я прекрасно помню, как мы попали в форт Кагалма.

– Алфен специально послал тебя в командировку, – заметил Леха и полез в холодильник за водкой. От нетерпения у него дрожали даже уши.

– Нет... Не может быть... – не поверил я.

– Может, может, – многозначительно заверил меня Рем Понтегера, пуская в потолок кольца дыма.

Я как мог защищал Алфена. Предположим, все вышло так, как он задумал. Но тогда зачем меня увольнять?

– А затем, – веско произнес Леха, выставляя на стол водку и закуску, – чтобы ты поменьше тьякал!

Мы действительно работали на Земле в одной газете: Леха – фотографом, я – журналистом. Потом Леха попал в плен к черным ангелам, то бишь – астросам, и через два года объявился на севере Марса. Я же прибыл сюда последней ракетой, и меня считали везунчиком. Марсиане до сих пор не знали, что стало с Землей. Похоже, она кончилась. Я давно уговаривал Алфена отправить меня в командировку. Не лететь же за собственный счет? Но он только дергал щекой и отговаривался. Может быть, на Земле скрыта какая-нибудь тайна?

– В бабоне прятали неугодных людей, – поведал Рем Понтегера серьезным тоном. – По земному исчислению это произошло три года назад, а в петле времени бог знает сколько этих годков.

– На эту петлю времени – бабон – случайно наткнулись, – будничным голосом сообщил Леха. – Мы тогда с тобой жили на Земле.

– Но быстро сообразили, что к чему, – добавил Рем Понтегера. – У нас тогда люди стали пропадать. Видел африканцев? То-то!

– Значит, мы теперь свидетели и покойники в одном лице?

Они мне так заморочили голову, что я забыл спросить, где мы провели понедельник и за одно позвонить Катажине Фигуре – моей приятельнице. Уж она-то не заслуживала равнодушного обращения, потому что всегда была готова прийти мне на помощь.

– Да!!! – дружно и радостно заверили они меня в один голос.

– Наконец-то ты сообразил, – сказал Леха, разливая водку в стаканы.

– Тогда это скандал, – рассудил я в надежде, что они ужаснутся и перестанут пить.

– Еще какой, – подтвердил Рем Понтегера. – Межгалактический! За него и выпьем!

– Действительно... – тупо кивнул я, удивляясь их беспечности. – Только никто не знает, откуда прилетают эти самые астросы с черными ангелами. Ты случайно не знаешь? – обратился я к Лехе.

Меня удивила их логика. Ведь если они, то есть мы, правы, то человеческий мир накануне войны. И не простой войны, а с астросами, которых мы до сих пор очень плохо знали. Надо было куда-то бежать и что-то делать. А они сидели и лопали водку!

– Знал бы прикуп, жил бы в Сочи, – ответил Леха старой-старой присказкой.

– Хорошо, ладно, – согласился я. – А как Сорок пятый здесь появился? По идее, он должен остаться в этой самой петле времени, как ее там... бабоне. А где мы были в понедельник?

Наступила странная пауза: Леха сделал вид, что его не интересуют подобные мелочи, а Понтегера – что с похмелья ничего не сообщает.

– Водку будешь или нет? – спросил Леха будничным тоном, пододвигая мне стакан и не желая отвечать на мои глупые вопросы.

– Я еду в редакцию!

Пусть хоть это их удивит!

Леха с Ремом Понтегера равнодушно чокнулись, а я побежал в спальню, чтобы переодеться и между делом звякнуть Катажине. Она была художницей и обладала чувственной натурой. К тому же у нее была большая грудь. Всю жизнь ко мне липли подобные женщины. Полина Кутепова. Таня Малыш, которая погибла на Земле из-за планшетника, тоже по-своему была творческой натурой. Одна Лаврова чего стоила. Я слышал, что в Кинешме она открыла свое рекламное агентство. Сплошной злой рок, которого я не мог избежать, хотя старался изо всех сил.

Первым делом я посмотрел в зеркало – на плече у меня действительно была красная точка от укола. Если следы от наручников еще можно было объяснить резвостью комиссара Ё-моё, то кто сделал мне укол и по какому поводу, я, хоть убей, не помнил.

Надо было бы, конечно, тоже выпить, чтобы трезво оценить ситуацию, но пить мне не хотелось. И вообще, я не имею привычек наливать с утра в антисанитарных условиях да еще в компании сомнительных личностей – Леха за два года мог стать агентом кого угодно, хоть бы тех же самых черных ангелов. А Рем Понтегера вообще – темная лошадка.

К тому же, если мы свидетели, то, как известно, свидетели никому не нужны. От них вовремя избавляются. Черт! Неужели Алфен способен на подлость? Не похоже. Совершенно не в его стиле задумывать такую длинную комбинацию. Может быть, только его заставили? А кто может заставить? Только противники землян и марсиан, то есть нынешней мировой власти – камни. Эти были готовы идти на союз с любыми силами, даже в инопланетянами, то есть с астросами. Да и Леха почему-то молчал – вроде, не сидел на пару с Лукой в плену у черных ангелов. Надо его раскрутить, злорадно решил я, зная, что Лехе будут неприятны подобные разговоры.

В этот момент в дверь позвонили. Балансируя на одной ноге и не сразу попадая второй в штанину, я решил, что это Катажина, а потом – что Сорок пятый с комиссаром Ё-моё. Явились меня арестовывать. Когда я заправлял рубашку в джинсы, звонок уже разрывался от натуги. Катажина не могла так нервничать.

Я схватил пистолет. В обойме оставалось всего два патрона. Перезаряжать не было времени – в дверь дубасили кулаками. Леха и Рем Понтегера, спяну стучаясь лбами, метались по дому в поисках одежды. Они безумно боялись метаполиции.

Я подошел и выглянул в боковое окно прихожей. Конечно, это была глупость. Если кто-то хотел меня застрелить, лучше момента нельзя было придумать.

На крыльце стояли полицейские в дорожной форме.

– Открываю! – крикнул я.

После секундного замешательства, с течение которого я искал, куда бы спрятать оружие, я открыл дверь и улыбнулся.

– Это ваш автомобиль? – спросил полицейский.

Второй настойчиво заглядывал мне за спину. Что он там искал? Наверное, их так учили высматривать преступников. Пистолет, между прочим, я засунул в тумбочку с обувью. Дверцу закрыть не сумел, и рукоятка предательски торчала между Катажиниными туфлями.

– Простите, я спал. Автомобиль наш... – уставился я вопросительно.

– Он стоит напротив вашего дома, – возразил полицейский. – По вторникам и пятницам частная парковка запрещена. Вы знаете об этом?

– Мы поздно вчера приехали, – ответил я, ища за деревьями Сорок пятого. Но он пропал.

– Кто, мы? – спросил полицейский.

– Я и мои друзья.

– А?..

– Не терплю порталов...

Ну да, кому приятно быть перемещенным во времени и пространстве, пусть и не разложенным на элементарные частицы, но, тем не менее, не принадлежащим себе. К этому вре-

мне считалось, что порталы устарели. Существовало даже какое-то зеленое движение против них. Я не особенно вникал в суть проблемы. По мне лучше тащиться от парковки пешком, чем предлагать свое тело какому-то бездушному аппарату, хотя в нем и использовался принцип стоячих волн. Свой портал я давно превратил в кладовку для удочек и сачков. Еще в нем пылился зеленый плащ и большие резиновые сапоги с желтой рифленой подошвой..

– Нам позвонили соседи...

– Они мне завидуют – на прошлой неделе я выиграл двести тысяч.

Полицейские оценили мой юмор.

– Тогда понятно, – сказал словоохотливый, нерешительно пожевав губами.

Второй, который так ничего и не произнес, разочарованно разглядывал окна второго этажа. Надеюсь, Леха и Рему Понтегера хватило ума не высовывать носа.

– Покажите документы, – попросил полицейский.

Я закрыл дверь, тем самым давая понять, что ничего интересного в доме нет, хотя в нем, конечно, воняло, как в китайском притоне, а в тумбочке для обуви лежал огромный черные пистолет с вычурной скобой, и подошел к “язузе”. Единственное, мне оставалось надеяться на чудо, ведь машина принадлежала не кому-нибудь, а долбанному комиссару Ё-моё, который чуть было нас не угробил. Так оно и произошло: в бардачке я обнаружил странный пропуск с красной полосой по диагонали.

– Ну что? – спросил тот полицейский, который до этого молчал. Он все еще надеялся меня в чем-то уличить.

– Вот... – выбравшись из машины, я протянул документ.

Их лица вытянулись. Они даже стали по стойке смирно и перестали дышать.

– Сразу бы так и сказали... – укорил меня словоохотливый полицейский, снова пожевав губами.

– Мы сообщим соседям, что у вас разрешение. Вас не будут тревожить, – подытожил второй.

– Сделайте одолжение, – попросил я, удивляясь силе пропуска с красной полосой по диагонали.

Они синхронно приложились к фуражкам и удалились, ненавидя меня всеми фибрами души. Я собрался уже вернуться на кухню, чтобы насладиться обществом Леха Круглова и Рема Понтегера, как из-за поворота вывернула вишневая “крымка” Полины Кутеповой, и сердце мое по старой привычке сладко екнуло. Но я не сделал того, что должен был сделать, то есть не подошел, чтобы поцеловать ее, ибо между нами все было кончено. Она же даже не удосужилась выйти, а только открыла дверь и выпустила Росса.

– Иди... – сказала она самым зловредным тоном, на который только была способна, – твой непутевый хозяин уже приехал.

– Могла бы и зайти на пять минут, – сказал я, пропуская мимо ушей ее колкость.

Подспудно я так хотел ее удержать, что совершенно забыл о том, что в доме находились два придурка: Леха и Рем Понтегера.

– Извини, спешу. У твоей дочери сегодня экзамен...

Я открыл дверь пошире и видел золотистый чуб, дорогие солнцезащитные очки и легкий шарфик. Полина давно привыкла к красивой жизни. Вернее, даже не отвыкла, пока я прозябал на Земле. Но театр, к счастью, насколько я знаю, не бросила, хотя после прибытия на Марс я ни разу не ходил на ее спектакли. Один ноль не в пользу Катажины Фигуры, хотя у нее действительно была классная фигура, а вместо таланта актрисы – талант художницы. Получалось, что Катажина не хуже, или просто я до сих пор не мог забыть Полину и оценить Катажину? В этом трудно было с ходу разобраться.

– В воскресенье мы посетим зоопарк.

– В зоопарке вы были уже сорок семь раз, – заметила она скептически, подставляя холодному марсианскому солнцу гладкую щеку.

– Тогда пойдем на русские горки. Говорят, в Сокольниках открыли новую трассу...

По решению суда я мог видаться с Наташкой один раз в неделю. Вначале свидания происходили в присутствии инспектора по несовершеннолетним, позднее я добился отмены столь суровых условий, и мы могли проводить вместе целый день.

– Ты лучше подари ей что-нибудь, – уколола Полина.

– Хорошо, – быстро согласился я, – куплю телефон.

– У нее уже пять штук!

– Тогда что-нибудь другое. Надо подумать.

Что поделаешь, я действительно был виноват. Так повелось: когда я жил на Земле, то был слишком беден, чтобы звонить на Марс, а потом, когда вернулся, я уже был им не нужен. Такое случается в жизни. Ничего не поделаешь.

Во время всего нашего разговора Росс терся о мои ноги, как большой кот. Только не мурлыкал. Правда, периодически в горле у него что-то булькало. Потом убежал обследовать угол крыльца, на котором явно оставили свои следы выпивохи – Лехи и Рема Понтегера.

– А ты не могла бы поддержать у себя Росса еще один день? Я сегодня страшно занят.

Левой пяткой чувствовал, что день будет необычным и бесконечно долгим.

Полина Кутепова вздохнула и сняла очки. Лучше бы она этого не делала. Я в который раз пожалел, что мы расстались, потому что до сих пор любил и желал ее. Наверное, мои мысли отразились на моей лице, потому что Полина смягчилась.

– Он дерется с Бесом... Их приходится держать в разных комнатах...

Бес – высокопородистый, полосатый тейлацин – был моей первой любовью. Вот уж кому не повезло. Правда, Наташка его любила не меньше, иначе бы Полина давно избавилась от него, несмотря на то, что он был нашим талисманом целых семь лет, пока мы были женаты. Как быстро Полина все забыла. Я так не мог. Я привязывался к любимым женщинам всей душой, и они навсегда оставались частью моей жизни, хотя последние годы в целях самосохранения я научился не выказывать своих чувств.

– А... ну да... – согласился я, не подозревая того, что Полина своим упрямством спасла мне жизнь.

– К тому же... – Полина сделала паузу, – Павел не любит животных.

Я забыл сказать, что после развода Полина быстро и успешно устроила свою жизнь, выйдя замуж за инвестиционного банкира – перевод денег из одного места галактики в другое, и все такое. Полину не интересовали дела мужа. Ее не интересовало, чем он занимается. Она даже не помнила, как называется банк, которым управлял ее благоверный. Единственное, она знала, что Павел зарабатывает много денег. Теперь она жила в Москве на Гоголевском бульваре, в пяти минутах ходьбы от Арбата, имела пять слуг и личную охрану. Почему-то сегодня она приехала одна.

В сопровождении Росса, который, пока мы пререкались, успел облить все окрестные розы, я вернулся в дом и дал себе слова больше не раскисать.

– Круглов, ты не знаешь, что это значит? – я протянул Лехе пропуск.

Леха повертел его в руках и даже согнул кончик. Росс успел сбегать на второй этаж, гремя когтями, спуститься вниз, обнюхать все углы, закоулки и подвал – в общем, обследовать дом, в которой чувствовал себя хозяином. Наверное, он представлял его себе большой-большой конурой.

– А ну... дайте мне, – потребовал Рем Понтегера.

Он сходил за очками и с умным видом рассмотрел документ со всех сторон.

– Это пропуск на предъявителя для союзников, – сказал он, возвращая его мне. – Ценная штука.

Что ценная, я уже пронял. Только какими полномочиями обладал владелец?

– Для каких союзников? – спросил я.

– У нас одни союзники, – веско произнес Рем Понтегера, – астросы и их рабы.

Чувствовалось, что он ненавидит и тех и других. Уж не потому ли, что сидел с ними в одном бабоне?

– Ты с этим пропуском можешь зайти куда угодно.

– И выйти... – весело подытожил Леха.

– Значит, нас приняли как минимум за хлыстов, – предположил я, не обращая внимание на Лехино зубоскальство.

Я знал, что хлысты за два последних года вообще перевелись стараниями “кальпы”. Население терроризировали и другие государственные службы, названиям которых, как правило, служила аббревиатура из трех букв. Остался один Леха, но он спилил клыки и ничем не отличался от марсиан. Наверное, поэтому он и сидел на севере. Выдавать его я не собирался.

– Леха, – спросил я сквозь зубы, – планшетник у тебя?

– У меня, – ответил Леха.

– Его надо спрятать.

– Почему?

– Ты видел Сорок пятого?

– Ну и что?

– Всем уже известно, что мы в городе.

– Ладно, – сообщил Леха, – а ты брелок спрячь.

Конечно, мы поступили в точности до наоборот.

Росс по-деловому забрался в “язу” комиссара Ё-моё и улегся на заднее сидение. Мы вылетели. Оказывается, Понтегера хорошо знает город и даже владеет приемами безопасности: вместо того, чтобы зависнуть как принято и прогреть мотор, он напрямик, чуть ли не срезая верхушки деревьев, вывернул к трассе и влился в поток аэромобилей. Дело в том, что если за нами следили и готовились сбить, самым подходящим для этого считается момент набора высоты.

Пока мы летели, я нацепил очки “пи-технологии” с виртуальным экраном и продиктовал “Фене” – моему синтезатору – два варианта. И хотя помехи были сильными, “Феня” понимал меня с полуслова и текст не надо было редактировать. Одна статья предназначалась для газеты чисто в информационном стиле – мол, обнаружена тюрьма Кагалма с черными ангелами, численность которых чуть ли не армия, и что из этого выйдет война с инопланетянами. А второй более детальный, с подробностями и именами участников этих событий для еженедельника. Таким образом я пытался обезопасить всех нас троих и Росса в том числе. Как только информация станет достоянием широкой публики, мы перестанем быть объектом интереса для различных спецслужб, которые уже, я был уверен, взяли нам на мушку. Или не взяли? В любом случае у нас было слишком мало времени. Понтегера понимал это и гнал так, что компьютер, который находился во внутреннем кармане куртки, приходилось прижимать локтем, а очки “пи-технологии” – поминутно ловить чуть ли не на кончике носа. Одна “мышка” на моем большом пальце чувствовала себя вполне сносно.

Однако в обеих статьях я не решился упоминать о бабоне – петле времени, иначе бы пришлось объяснять, как мы в нее попали, а это значило, что надо было признать свою, хоть и спонтанную, но все же способность передвигаться во времени, что, конечно же, было бы недальновидно и глупо.

Минут через десять Рем Понтегера объявил:

– За нами хвост...

Понтегера заложил вираж: с одной стороны я увидел барашки Финского залива, обрамленного горами, с другой – низкорослый сосновый лес и сухопутную дорогу на Выборг, по которой плотным потоком двигались автомобили.

– Где? – Когда мы выровнялись, Леха стал вертеться, как на сковородке.

– Метаполиция! – прокричал Рем Понтегера.

Желтый “гирвас” с маяками на крыше мелькал где-то за два километра в потоке аэромобилей. Все-таки у комиссара была хорошая машина, а не полицейская газонокосилка, хотя эта полиция и имела приставку мета.

В такой обстановке я с поспешил закончить дело, попросил “Феню” сбросить снимки из фотоаппарата на компьютер и увеличить их. Особенно мне понравились два: метатрон, который просил выпустить их из тюрьмы, и подполковник с перебитым крылом.

Дальше “Феня” рассовал файлы моим приятелям во все газеты и даже в парочку журналов с просьбой опубликовать в ближайшем номере. Мне было наплевать на негласные и гласные запреты. Даже если Алфен подставил меня неосознанно, я имел право на самозащиту – пусть это и касалось государственной тайны. В тот момент, когда Понтегера свернул по прямой над заливом и крикнул: “Приготовьтесь!”, на мой виртуальный экран стали приходить ответы. Первым отозвался Юра Дронский, который когда-то работал в земных “Петербуржских ведомостях” внештатным корреспондентом. Теперь же в таблоиде “Москва-хроникал” он служил главным редактором. Надо будет его расспросить, как он удрал тогда из Санкт-Петербурга, подумал я.

Другие сообщения я читать не стал, а смалодушничал и стер папку с файлами, которые имели отношение к черным ангелам, что давало шанс выигрыша времени на случай, если дело дойдет до расследования.

Мелькнул Нью-Васильевский, дамба, верфи, каналы и Нева. В центре города Понтегера перешел на ручное управление и, чтобы оторваться от хвоста, необдуманно близко проносился рядом с небоскребами. Думаю, что городская полиция уже сошла с ума. Потом он круто пошел на снижение. Мы с Лехой и Россом оказались на боковом стекле. “Феня” пропал, очки “пи-технологии” оказались разбитыми, а я увидел, как подо мной проносится земля. Деталей невозможно было разглядеть. Мелькнул шпиль, ангел и рыжая марсианская брусчатка. Моя селезенка среагировала на ускорение – в боку противно кольнуло. Я подумал о смерти и вечности. Потом увидел небо. “Бум!” Меня и Росса отбросило на Леху. Я даже испытал что-то вроде злорадства оттого, что Леха крикнул под нашим весом. В следующий момент аэромобиль выровнялся. Мы с Лехой ударились головами о потолок, а Росс взвизгнул, и Рем Понтегера крикнул: – Бежим!

Оказывается, мы уже стояли на парковке в центре Дворцовой площади. Конечно, она лишь отдаленно походила на земную Санкт-Петербургскую, но тем не менее носила то же самое название.

Забыв захлопнуть дверь, Рем Понтегера побежал отвоевывать редакторское кресло. А Леха, видать, за компанию. На секунду он остановился. Посмотрел на нас с Россом. Потом махнул рукой и побежал дальше. Наверное, Понтегера пообещал ему хорошее, теплое место рядом с собой. При данных обстоятельствах в редакции делать мне было нечего. Рано или поздно Леха сам все расскажет. К тому же, чего скрывать, я испытывал злорадство от того, что Алфена выпрут, ведь он уволил меня по самому ничтожному поводу. Поэтому я решил направить свои стопы к Юре Дронскому, чтобы окончательно договориться о заметке, сулившей неплохие дивиденды. Чего греха таить, я рассчитывал на плодотворное сотрудничество.

Нашим аэромобилем уже заинтересовалась дорожная полиция – со стороны Адмиралтейства катили патрульные “жигули”. А со стороны Невы на посадку заходил желтый “гирвас”. Кроме этого где-то за крышами, нещадно завывая, на подходе была дорожная полиция.

При такой ситуации мы с Россом сделали вид, что прогуливаемся и поспешили к Певческому мостику, чтобы перейти его и попасть в московскую часть города. Да-да, именно московскую. Даже река с этой стороны называлась Москвой-рекой, а с правой стороны, по течению – Мойкой, если же дело имело отношения к Неве – Невой.

Итак, мы с Россом пересекли Мойку-Москву-реку и очутились в районе Китай-город. Москворецкая набережная терялась в осенней зелени за изгибом реки, а по обе стороны торчали буквы “М”, хотя, разумеется, ни о каком метро речь не шла. Метро еще не построили, да и вопрос этот дискутировался уже лет десять. Проблема заключалась в том, что конкурентом метро были аэромобили – дешевый и доступный вид транспорта и главный аргумент мирового правительства в борьбе с камнями, которые находились в оппозиции. Скорее всего, у мирового правительства просто не было лишних денег, а у каменщиков – веских аргументов. Веские аргументы были только у военного крыла каменщиков – “Наше дело”, которое находилось в подполье. Иногда они что-то взрывали или поджигали. Процесс носил вялотекущий характер.

Надо ли напомнить, что демократия выродилась еще на Земле, потому что в том виде, в котором она предстала миру на Востоке, она не устраивала США. На смену ей пришел просвещенный прагматизм, который исповедовали высшие слои общества.

По дороге я не удержался и позвонил Верочке Матюшиной. Мне было интересно, как идут боевые действия. Наверняка Рем Понтегера уже перегрыз горло Алфену и вкушал победу. К моему удивлению, Верочка ответила нервным смешком:

– Они уже выжрали три бутылки коньяка и потребовали еще!

– Так быстро? – удивился я. – А чем они закусывают?

– Лимоном...

– В стиле главного, – философски изрек я.

– Да, но каково мне! – заметила Верочка Матюшина.

Похоже, она пыталась прибрать к рукам Алфена. Как это ей удастся? с интересом подумал я. В этом отношении Алфен был непотопляем, как крейсер “Аврора”, марсианский муляж которого стоял на Неве-Москве-реке.

– У тебя что, неприятности с правительством? – поинтересовалась она.

– С правительством? – удивился я.

– Тебя спрашивали ужасные люди!

– Это мои друзья, – быстро ответил я.

– Странные у тебя друзья, – менторски заметила Верочка Матюшина, – я одного испугалась. У него такой зверский вид, да и другой...

Я перебил ее:

– Мне не звонил некий господин Федотов?

Я просил так – на всякий случай. Брякнул первое, что пришло в голову.

– Звонил! – съязвила она. – Сказал, что убьет тебя при встрече.

– А если серьезно? – спросил я.

Вот и решайте теперь, что такое интуиция.

– Если серьезно, то он будет ждать тебя в “Астории” с двенадцати до часу.

– Спасибо, – я отключился.

Итак, объявился Лука. Но почему он меня ищет? И тот ли это Федотов, который Лука? Известно, что Лука остался на базе астросов и улетел в глубины космоса. Причем у него было тайное редакционное задание от Алфена – сфотографировать астросов и разузнать о них как можно больше. Значит, он жив! Есть шанс обладать уникальной информацией. Но почему ни “Москва-хроникал”, ни наши “Ведомости”, ни тот же самый “Телеграф” и сотня других редакций по всему Марсу не опубликовали ни строчки о астросах? Одно из двух, либо это не тот Федотов, то есть не Лука и Верочка Матюшина ошиблась, либо Луке заткнули рот каким-

нибудь экзотическим способом. Как бы там ни было, до встречи с таинственным Федотовым осталось не более двух часов, и я решил провести их с пользой. И еще я подумал о том, что как-то очень синхронно с посещением нами Кагалмы из небытия возник Лука. Не верил я в такие совпадения. Не верил.

Редакция “Москва-хроникал” располагалась в шестидесятидвухэтажной высотке в начале Яузского бульвара. Охранник увидел Росса и не пожелал нас впускать, хотя вдвоем с Россом мы беспрепятственно появлялись во всех редакциях и ресторанах. Нас везде знали. Росс был моей визитной карточкой – выхоленный, выстриженный, отриммингованный – чепрачный эрдель, с рыжим подпалом и с мордой кирпичом – я специально носил в заднем кармане расческу. Охранник оказался молодым, неопытным и упирался, пока я на всякий случай не сунул ему под нос пропуск с полосой по диагонали, который и в этот раз оказал магическое действие, которому я в очередной раз только удивился. Не звонить же Юре Дронскому по всякому пустяку. Мы поднялись в скоростном лифте на двадцать пятый этаж, где в коридорах наши шаги с Россом заглушали толстые, мягкие дорожки.

“Москва-хроникал” занимала десять этажей – с двадцатого по тридцатый, и была крупнейшей газетой мультимедийного магната Пеки Дементьева, который владел по всему миру четырехстами пятидесятью восемью фирмами и корпорациями. Империя называлась “Независимые новости и медиа”. В газете работало более пятисот журналистов и неизвестно какое количество внештатников.

По сравнению с ним наши “Петербургские ведомости” были детской игрушкой. Два года назад, примерно когда пропал Рем Понтегера, “Ведомости” понесли убытка на восемь миллионов рублей. Следующий год был не лучшим для газетного бизнеса – издания сдавали позиции по всем направлениям. Потом появился Алфен. Его вытянули из забвения партийные функционеры, фамилии которых даже не хочу упоминать. Алфен в свою очередь нашел меня и всех ведомцев. Месяцев через восемь мы стали гордо выпячивать подбородок и открывать двери ногой, потому что рейтинг газеты взлетел на небывалую высоту. С нами стали считаться. Но таких более-менее успешных газет было много, а сорокадвухстраничный таблойд “Москва-хроникал” – в пятерке лучших, и попасть в него было все равно что выиграть в лотерею миллион или получить у Бога индульгенцию на все последующие грехи.

Юра Дронский обитал в стеклянном кабинете с огромной приемной и внушительного вида секретаршей, и я вспомнил, что Юра всегда питал слабость к крупным женщинам.

Однако он вел такую жизнь, которой не позавидуешь. Вставал в шесть утра, чтобы еще до работы прочитать все газеты, посмотреть программу “Время”, поговорить со всеми нужными людьми. К этому времени на Марсе всегда что-нибудь происходило, поэтому уже к девяти часам утра в телефоне Юры Дронского садилась батарейка. Он хватал следующий аппарат. Секретарша следила, чтобы все пять трубок ежедневно были заряжены под завязку. Мало того, в “сетуне” у него был отдельный набор телефонов. Юра Дронский так и не привык к аэромобильям, даже к самым шикарным. Его укачивало. Зато на свой супердорогой “сетун” – машину с плазменным генератором – он поставил гудок от земного локомотива, чтобы носиться, как угорелому – когда Юра сигналил, то было слышно в радиусе двенадцати километров. Его многократно штрафовали – он предпочитал платить и пользоваться своим фирменным сигналом, от которого шарахались, как от бешеной коровы.

Обычно он входил в офис, разговаривая с секретаршей по телефону до самого последнего момента, пока не возникал в приемной, как дух из бутылки, потом говорил всем: “Привет!” и удалялся в свои апартаменты, не отрывая телефона от уха. Он так привык к ним, что, наверное, сидел с ними в туалете, разговаривая, просматривая сообщения и голых девиц.

Понятно, что из-за суеты, севших батареек и из-за того, что участвовал в управлении самой крупной газеты на Марсе, Юра Дронский жил в вечном стрессе. А это, учитывая спад

рекламной активности и снижение тиражей, не давало ему спокойно спать, и он мучился бессонницей. В общем, Юра Дронский работал на износ.

Правда, и времена наступали тяжелые. А ведь цивилизации на Марсе было не больше пятидесяти лет, и мы были в начале пути. На то, чтобы уничтожить Марс, спутнику-Фобосу понадобилось мгновение, землянам же придется ковыряться ни одно столетие.

Я постучал в стекло, и он махнул мне рукой.

В строгом определении редактора, я бы сказал, что он был великим – безропотно тянуть такой воз! Должно быть, Пека Дементьев ценил его не меньше, но загонял, как любимого коня, на которого привык делать ставки.

Юра Дронский сидел спиной к окнам во всю стену, за которыми расстилалась Столица мира: бесчисленные крыши, Сенатская площадь, Кремль, петли Невы-Москвы-реки, залив и небоскребы, теряющиеся в дымке испарений. Особенно выделялся район Рублевки – рубиновая игла Сити-центра пронзала небо, а торговый центр издали походил на панцирь гигантской черепахи. За ними на горизонте высились желтые Доломитовые горы – единственное, что отличало равнинные города России от Столицы Марса, и которые с севера ограничивали низину или пустыню Гусева, а с запада спадали в блестящий под холодным марсианским солнцем Финский залив. До гряды было не меньше ста двадцати километров, и в вершине одной из них застряло крохотное облако. Где-то там находилась система “Глоба” из пяти телескопов-сторожей, которые прикрывали Столицу с запада, автоматически следя за космосом.

Мы с Россом зашли, и я сел с краю, предварительно захлестнув поводок за дверную ручку. Я совсем недавно купил Россу этот толстый кожаный поводок, на котором при случае можно было с успехом повеситься. Свой компьютер, который оттягивал карман и который без очков “пи-технологии” представлял теперь всего лишь кусок пластмассы, я положил рядом на свободный стул. Да и “Феня” молчал – значит, то ли не было новых сообщений, то ли не работала связь.

Все ответственные редакторы, а также ведущие журналисты были в сборе. Юра кого-то распекал. При этом он беспрестанно совал ручку в рот и жевал ее. От этого его речь не становилась разборчивей.

– Газета не делает событий, – вещал Юра Дронский в пятьсот двадцать пятый раз. – Она их комментирует, иногда интерпретирует в силу своих пристрастий. Наша стратегия заключается в том, чтобы использовать яркие первые страницы, которые видны за километр. Информация должна быть ясной, кратко изложенной и броской! Что у нас по ударным темам?

Ему отвечали. Он помечал на бумаге. Я готов был биться об заклад, что тема черных ангелов в его списке не значилась. И честно говоря, удивился, потому что ожидал совершенно другого. Еще мне не понравилось, что Юра явно избегал моего взгляда. Он делал вид, что увлечен разговором.

– Хорошо, Петров, – говорил Юра Дронский, отгрызая у ручки колпачок, – “В правительстве рассматриваются закон о криминальном правосудии”. Венгловский: “Борьба Гучини за власть”, тоже, очевидно, следует вынести на первую полосу. Маша Ржевская: “В некоторых областях на Западе предпринята попытка истребления местной фауны, в частности – летающую форму шитиков”. В одном районе шитиков уничтожают, в другом, наоборот, разводят на фермах для меха. Надо занять четкую позицию по данному вопросу. Думаю, как раз по второму варианту. Сакулин: “Успех группы “Семья куропаток””. Это в раздел культуры... У нас серьезная газета...

– Но они взяли Гран-при... – робко напомнил Сакулин.

– А что там произошло убийство, или что?! Кто сейчас этим интересуется, кроме группки дебильных юнцов?

После таких заявлений я покривился. Неужели Юра Дронский не чувствует момента? Грядут такие события! Впрочем, вопрос чисто риторический. Что-то на Юру Дронского не

похоже. Хотя бы для приличия упомянул о камнях. Тема, правда, не столь свежа, но зато проглатывалась всегда и неизменно, словно для читателей не было ничего интересней, чем смаковать кровь и насилие. На мой непросвещенный взгляд, “Москву-хроникал” было так же неинтересно читать, как и разгадывать шарады. Я никогда не читаю на ночь глядя “Москву-хроникал”. Как, впрочем, и в другое время суток.

– Материал о Маркедонове тоже неплохой, – неискренне продолжал Юра. – Думаю, мы должны поставить на первую страницу Гучини, шитиков и кровавое воскресенье.

Я открыл было рот, чтобы сообщить, что все это неактуально, что Гучини – это не ново-явленный Христос, а всего лишь воинствующий ортодокс, что шитиков полным-полно в Доломитовых горах, к тому же разноцветных – под цвет разнотравья пустыни, что парламент благополучно переживет кровавое воскресенье и до следующего понедельника выберет для нас нового бритого шилом премьера, что небо на Марсе давным-давно не розовое, а голубое, что сегодня вторник, а не злополучный понедельник и тем более не черная пятница, когда все прощается, но вдруг меня осенило: Юра Дронский не тот человек, который будет ставить на плохую лошадку, значит, у него есть повод вести себя тихо и скромно. Дело в том, что к нему стекалась информация из самых невероятных источников. Всякий, кто хотел иметь в друзьях Дронского, спешил принести в клювике. На этом зиждился не только столичный мир. Здесь была замешана большая политика и высшие сферы, которые мне и не снились.

Еще полчаса ушло на обсуждение иллюстрация для северного, южного, западного и восточного столичных табloidой, а также для десятка табloidов, которые распространялись в пригородах и в русскоязычных районах Берлина, Праги, Нью-Йорка, Парижа и еще в сотне других близлежащих городов. Огромный стол Юры Дронского завалили фотографиями.

– Я бы перенесла материал о шитиках на третью страницу, – робко предложила Маша Ржевская, пишущая на темы о природе. В редакции ее звали “природником”.

Юра задумчиво пожевал остатки ручки.

– В одной из школ Марьиноки произошла драка. Погиб мальчик, – постным голосом сообщил Спартесный, который вел криминальные темы.

– Сколько мальчику лет? – спросил Юра, переводя на него взгляд.

– Будет известно часа через два.

– Тогда тема каникул и смерти мальчика плохо ляжет на вторую страницу. Надо их развести.

– Сделаем, шеф.

– Не забудьте, нужна редакционная заметка о вреде порталов, но не в лоб, а только слухи и намеки, с перспективой дальнейшей раскрутки. Незачем раньше времени ссориться с корпорациями, но и правительство явно хвалить нельзя. Все-таки мы независимая газета. Хорошо бы мнение какого-нибудь известного ученого.

– Осветить парочку исковых процессов, шеф?

– Да, было бы неплохо.

– Все сделаем!

– А что у нас с рекламой? Учтите, что шестьдесят процентов дохода газета получает от рекламы.

Похоже, он вещал прописные истины, потому что лицо у Маши Ржевской сделалось скучным. Она еще не стала тертым калачом и не привыкла к журналистскому лицемерию. Я бы к ней подкатил, но она была слишком молода – только-только с университетской скамьи, а у меня к этому времени появились принципы не связываться с малолетками. Меня пугала ее жизнерадостность и вечный смех. В общем, я валял дурака. Надо было давно ее погасить.

– Полный объем будет к вечеру.

– Зарезервируйте место. Да, экономический обзор готов?

– ... По внегалактической деятельности... – уточнил финансовый редактор, – редактируется...

– В три часа мне на стол!

К этому времени на стол Юры Дронского ляжет полный макет, и Юра утвердит его. Окончательно он подпишет каждый номер по электронке в двадцать три пятьдесят, лежа у себя в постели.

– А что у нас с криминальным разделом?

– Бенуа Сегюр дает интервью, а Батых Кинжев подготавливает статью о репатриантах.

– Отлично! Ну а со скачками, погодой и спортом как всегда в рабочем порядке разберутся ведущие.

Я же с интересом наблюдал за клубящимися облачками над Доломитовыми горами. Вначале они были, как легкий мазок белил на голубом небосклоне. Через пару минут, когда я отвлекся и снова взглянул, облака превратились в рыжие тучи, которые занимали всю нижнюю часть пространства окон в кабинете Юры Дронского. И если бы я подошел ближе, то наверняка увидел бы, что тучи клубятся по всему горизонту. Это, конечно, не Юпитер, где бури бушуют по триста лет. Это Марс. Тем не менее, бури тоже приличные. Но почему-то я не придал происходящему большого значения.

Наконец редакторы и журналисты оставили нас одних, Юра сказал:

– Привет! Что-то я давно тебя не видел.

– Летал на север, – сказал я, пытливо вглядываясь в его лицо.

Но либо Юра ничего не знал, либо у него была железная выдержка.

– Эта твоя статья... – сказал он, упрямая мой вопрос, иначе бы он не был Юрой Дронским.

– ...Да, – быстро сказал я. – Хорошая статья. Свежий материал. И насчет рейтинга можешь не беспокоиться.

Черт! Я поймал себя на том, что унижаюсь. Значит, ситуация совсем гнилая.

Юра незаметно поморщился.

Неужели они зажрались здесь в своей “Москва-хроникал”? удивился я.

– Дело не в этом, – безапелляционно заявил Юра, – дело в том, что информация устарела.

– Устарела?!

Или я ничего не понимал, или Дронский был настолько умен, что не поддавался анализу.

– Эта информация проскочила год назад.

– Прости, я ничего не знал.

– Ты не понял. По просьбе правительственных кругов публикация была задержана.

Меня прошиб холодный пот. Никогда не попадал в такие положения. Я-то, казалось, собаку съел в журналистике.

Нет, вру! Такие ситуации были издержками нашей профессии. Я просто пытался их избегать.

– А что, у тебя есть фотографии? – осведомился я, не собираясь раскрывать ему все карты с бабоном.

– Нет, у меня нет фотографий, – твердо ответил Юра Дронский.

– У тебя есть живые свидетели?

Я намекал на Луку Федотова. Вдруг Юра каким-то образом с ним связан?

– Нет у меня нет пока еще живых свидетелей.

– У тебя есть Кагалма?

– Нет, у меня есть Тога-Тога.

– А! – обрадовался я. – Это на юге у негров. Это несерьезно – одни слухи.

Я знал, что говорю, потому что, действительно, примерно год назад в нашей редакции начались разговоры на эту тему. И Тога-Тога в них тоже проскакивала.

– Что не меняет сути дела, – сказал Юра Дронский и снова замолчал.

У него было такое выражение на лице, словно он в уме писал доклад.

– Черт! Так что тебе надо?! Год прошел. Свяжись со своим боссом, Пекой Дементьевым. Чего тебя учить!

– Это исключено. На следующий день он меня выгонит. Я самостоятелен в принятии решений.

– Тогда ты, может быть, ждешь, когда меня убьют?

Рыжие тучи уже накрыли пустыню между Доломитовыми горами и городом, доползли до Сити-центра – рубиновая игла была скрыта до половины, и коснулись цента Столицы. Главки Кремля потускнели. А в верхней части окон виднелась лишь узкая полоска голубого неба. Тучи были какими-то странными – пузырячатыми и очень подвижными, словно город находился на дне глубокого морского залива, а сверху кипел прибой, и рыже-черными, словно дело происходило ночью. Таких туч над Столицей мира мне видеть не доводилось. Однако меня почему-то совершенно не смутил тот факт, что они застилают все небо.

– Нет, я не жду, когда тебя убьют.

– Учти, нас было трое. Всех сразу трудно убить.

– Это неважно, – сказал он, терпеливо вздохнув.

– Тогда, что важно?

– Это просто закрытая тема.

– Такая же, как и цекулы? – спросил я.

– Цекулы – это миф! – заявил он.

– А гесион? – с издевкой спросил я.

– Гесион тоже! – не моргнув он глазом.

– Тогда мой материал с удовольствием напечатают другие.

– Не напечатают, – покачал головой Юра Дронский.

И в его голосе я услышал нечто, что заставило поверить. Наступила пауза. Мне нечего было больше сказать – настолько я был ошарашен, если не сказать, подавлен.

– Извини... – сказал Юра Дронский, взглянув на часы. – Совершенно нет времени... Спешу на ленч... И опоздать нельзя, потому что ленч дает городское правительство.

Юра Дронский обитал в иных сферах, недоступных для обыкновенного журналиста. Это была не матушка-Земля, это был Марс со своим снобизмом и классами. Юра хорошо подготовился к разговору и ловко обвел меня вокруг пальца. Очередная неудача. Сколько их было? Я до сих пор так и не привык к ним – что на Земле, что на Марсе.

В кабинете автоматически включилось освещение, словно наступил вечер. Юра Дронский с удивлением посмотрел в окно. Вот-вот должен был пойти ливень.

И вдруг я понял, что Юра Дронский что-то знает. Тайна была столь значительной, что он не смел даже намекнуть неосторожным движением головы. Черт! подумал я, или я старею или становлюсь умным. Вот что значило выхватывать информацию из воздуха. Как я когда-то завидовал Луке! Он владел этим приемом в совершенстве. Я же только учился, но уже знал, что мне надо делать.

В этот момент над городом словно вспыхнуло солнце. Свет был настолько ярким, что пробил рыже-черные тучи и осветил все закоулки города. В мгновение ока он заполнил небо, – а потом сквозь тучи на Столицу пролился огненный дождь. Вначале это были просто огромные искры. В море всполохов я разглядел горящие обломки, которые крутились, вертелись и падали долго – словно в замедленной съемке. Из этих обломков тоже сыпались искры и било пламя, и самое страшное заключалось в том, что обломки опускались на город. Совсем близко за окнами промелькнул огненный вихрь, потом донесся грохот. Нет – не грохот и не гром, а то, чего не было в моем лексиконе – с точечной ноты до размеров вселенной! Рамы прогнулись! Стекла треснули! “Бух-х-х!!!” Поток воздуха едва не вынес меня наружу.

Я успел подумать, что надо бежать. И первым моим движением было спасти своего друга – Росса. Я схватил его за ошейник и дернул дверь, но открыть не успел. Пол качнулся. От страшного удара дверь слетела с петель, потолок треснул, и произошло нечто невообразимое. Это было похоже на взрыв или настолько быструю смену событий, скоротечность которых сознание не уловило, только запечатлело, что ни окон, ни стола, за которым сидел Юра Дронский, ни самого Юры Дронского не было. Не было ни стен, ни пола, потому что я висел над бездной, и помню, что совершенно не испугался, словно не я, а кто-то другой должен был упасть с высоты двадцать пятого этажа. В воздухе летала горящая бумага и проносилось множество вещей: разнокалиберные обломки, мебель, офисная техника и, кажется, даже люди или то, что от них осталось, стекла, куски рам, двери и еще что-то. Но я не слышал ни звука. Меня мучила одна единственная мысль – теперь я не узнаю того, что знал Юра Дронский и вообще всего того, что произойдет дальше в мире. Эта идиотская мысль застряла в моей башке, как гвоздь, и мешала сосредоточиться. В тот момент, когда слух включился, я понял, что не упал благодаря двум вещам: арматуре, в которой застряли мои ноги, и поводку, в петле которого была затянута моя левая рука, и самое главное – Россу, который уперся всеми четырьмя лапами и затаскивал меня внутрь кабинета.

Не помню, как я выбрался. Через какое-то время я увидел себя бредущим по редакционному коридору. Вокруг был сплошной туман. Как ни странно, на потолке горело аварийное освещение. В руках у меня все еще был поводок, и Росс по прежнему тянул меня что есть сил.

Я знал, что надо убираться из здания, которое, судя по всему, вот-вот должно было развалиться. Стоял страшный грохот, из которого невозможно было вычленить отдельные звуки: непонятный свист, скрежет рвущейся стали, крики, визг крошащегося стекла и разрушающегося бетона, вой сирен, жуткий скрип раскачивающихся стен и падающих перекрытий.

Впереди мелькали странные людские пятна: женские ноги, груди, костюмы и искаженные лица. Кто-то лежал на полу. Кто-то прятался под столом. Какая-то женщина истерически смеялась. Кто-то дрался из-за очереди в портал.

Вдруг я узнал человека в ало-красной “карапузе”.

– Лука!!!

Он словно ослышался и завертел головой.

В этот момент из пятой комнаты выбежал Венгловский и вцепился в меня. Он потрясал мобильником, как распятием, и вещал поповским голосом:

– Покайтесь перед концом света! Покайтесь!!!

Кажется, он входил, не помню, в какую-то секту и был религиозным психопатом.

Я оттолкнул его и снова погнался за Лукой во главе с Россом, который с эрделевским азартом воспринимал происходящее как страшно занимательную игру.

– Лука! – крикнул я, когда мы пробежали мимо.

Они все скопом пытались втиснуться в лифт. Маша Ржевская упала. Ее топтали. Петров лез по головам, выдирая волосы и бороды. Маленький, юркий Сакулин пробивался между ногами. Лука оглянулся. Глаза его были белыми. Он все понял.

– Бежим!

В следующее мгновение справа что-то ухнуло. Из дверного проема вылетели клубы пыли и дыма. Мы с Россом инстинктивно шархнулись в сторону. Я споткнулся и упал на вздыбившимся полу. Впереди как по мановению волшебной палочки стена превратилась в груды камней. Потолок треснул. Мы полезли куда-то вверх. Я решил, что Луку засыпало, но когда дунул ветер и рассеялась пыль, мы увидели, что Лука как-то странно изогнувшись в пояснице и словно нырнув, растворился в темноте. Мелькнули только ноги и раздался протяжный крик: “А-а-а...” Его “карапуза”, подхваченная ветром, взмыла под небеса и растаяла среди огненных искр.

Мы с Россом едва не улетели следом. Ни справа, ни слева, ни спереди ничего не было, кроме рыже-черных туч и огня. Пропали коридоры с мягкими дорожками, приемные с длинноногими секретаршами, комнаты, в которых сидели журналисты, художники и макетировщики, пропали лифты, курилки, туалеты, кабинеты с редакторами и посетителями, пропали охранники и вахтеры, пропали курьеры, мелкие продавцы, разносчики газет, рестораны и бары, пропали все, кто имел отношение к “Москва-хроникал”. Торчали лишь покореженные перила и зиял провал. Половина высотки была отрезана как ножом, и все, что мы увидели – это раскачивающийся лестничный спуск и изогнутые ограждения центрального пролета. Все остальное терялось во мраке. Мы с Россом попятнулись. Я вспомнил о запасном выходе на другом крыле здания.

Когда мы бежали назад, в коридоре уже никого не было. На полу валялись личные вещи и упавшие с потолка светильники, которые мигали, словно полицейские спецсигналы.

Спуск занял целую вечность. Здание трещало по швам. Через несколько этажей мы наткнулись на людей. В полумраке лестницы, освещаемой всполохами огня, они спорили, куда идти. Оказалось, что два пролета на шестнадцатом этаже разрушены, и кто-то хотел подняться на крышу, на которую могли сесть аэромобили.

– По-моему, крыши нет, – заметил я.

– Как это нет! – возмутился человек, судя по всему привыкший командовать. – Мы поднимаемся и вызовем спасателей!

С ним ушли человек семь-восемь. Остальные приняли решение идти вниз. Мы спустились ниже, и Спартесный с товарищем слезли на четырнадцатый этаж по арматуре. Минут пять мы смотрели, как они проделывают все это. Со мной остались две женщины. Обе были страшно напуганы. Одна из них беспрестанно плакала и повторяла:

– Я не хочу умирать... я не хочу умирать...

Особенно она пугалась, когда что-то грохотало и здание вздрагивало, словно живое. Признаться, и мне было не по себе. Чтобы не сглазить удачу, я даже не клялся, что никогда, никогда носа не суну в высотки. Не было времени на бесполезные переживания. Где-то наверху, кажется, в шахтной лифта кричали люди. Синхронно их крикам мигали лампы освещения. Искрилась проводка. Рассыпались искры, и из стены, как из газового резака, било голубоватое пламя.

Мы обследовали этаж и нашли пожарную лестницу, которая проходила сквозь эвакуационные площадки. Она была слишком узка и крута, и мне пришлось нести Росса на руках. В одном месте не было стены и ветер дул, как в аэродинамической трубе, неся рыжую марсианскую пыль.

Когда мы очутились на двенадцатом этаже, то решили вернуться на запасную лестницу, чтобы двигаться быстрее. Здесь проходила оргия: дюжина пьяных и голых людей занимались сексом. Мы спросили, где выход. Они нам показали.

Один из них, выйдя вслед за ними на лестничную площадку с бокалом в руках и в обнимку с обнаженной девицей, предложил:

– Собака нам не нужна – скотоложством мы не занимаемся, а женщины могут остаться... Мои спутницы еще больше испугались.

Тогда он выкрикнул следующее:

– Это последняя мировая! Вы нам еще позавидуете!!!

Девица громко хихикала. Голый человек выпил содержимое бокала и разбил его о пол.

Больше ничего не произошло. Мы благополучно достигли первого этажа и выскочили наружу.

Вся ближайшая территория вокруг высотки была завалена обломками и телами. Сквозь рыжую пыль я разглядел людей, разрезанных пополам, или – отдельно ноги и голова, или туловище без ног и без головы. Или просто нечто бесформенное, как кусок мяса. Я увидел секре-

таршу Юры Дронского – Лиду Ямпала. У нее было удивительно спокойное лицо, словно она спала. Я обнаружил Батыха Кинжева в луже крови. В груди у него было два пулевых отверстия. То, что это были пулевые отверстия, я не сомневался ни минуты, потому что видел такие ранения во время восстания хлыстов в Санкт-Петербурге. Но кто и почему стрелял, трудно было понять. Впрочем, рассуждать не было времени. “Плюх!” – рядом что-то упало. И в отдалении тоже. Меня обрызгало. Находиться рядом со зданием было небезопасно. Я отцепил Росса. Он ту же стал активно встряхиваться. Женщина, которая все время повторяла: “Я не хочу умирать... я не хочу умирать...”, куда-то делась. Вторая пропала еще раньше.

Дом напротив высотки горел. Я задрал голову и посмотрел туда, где висел полчаса назад. Но ничего не увидел. Все застилало черный дым, рыжая пыль и тучи, из которых сыпались огромные искры. Это напоминало фейерверк, только в грандиозных масштабах. Казалось, горела даже мостовая.

Когда мы с Россом выбежали на Яузский бульвар, за спиной рухнула высотка. Она упала на лесок и окрестные кварталы. Земля вздрогнула. Потом пронеслась ударная волна, сбившая меня с ног. Росс устоял. Он только присел и заворчал. Ему, как и мне, не нравилось происходящее. Воздух наполнился клубами дыма и пыли. Было такое ощущение, что сюда вниз, как на дно глубокого аквариума, льется расплавленный воздух. Трудно было понять: то ли все еще идет огненный дождь, то ли это искры горящего города. Прямо над нами, кувыркаясь, пролетели оранжевые “жигули”, затем голубая “токса” врезалась в угол дома. От здания, находящегося за бульваром, остались одни стены, а огонь вырывался из окон, как из доменной печи. Иногда мелькали фигуры бегущих людей. Тучи горячего дыма заполняли улицу. Трудно было дышать. Нас обоих душил кашель. Мы сунулись было налево, чтобы попасть к реке, но на Парковой стали взрываться машины, а за дорогой вспыхнула автозаправка. Огненный шар взметнулся вверх, прокатился над сквером и окутал рядомстоящие дома. Все заполнилось рыжей мглой, сквозь которую пробивались огненные сполохи багрового цвета. Через мгновение уже ничего нельзя было разглядеть. Бежать к реке было бессмысленно. Вверх по Яузскому бульвару бушевал вихрь. Кажется, вслед за ним приподнимался даже асфальт. Воздух гудел. Деревья вспыхивали, как свечки.

Мы сунулись в Петропавловский переулочек. Он тоже пылал. Я чувствовал, что на мне тлеет одежда и трещат волосы. Росс выбрал самый правильный путь. В центре квартала образовался островок – там располагались теннисные корты и футбольное поле. Какие-то юркие люди с баулами выбегали из подъездов. Увидев нас, они тотчас пропали. Мы юркнули на Солянку – чисто инстинктивно поближе к воде. Но реки не увидели. Панораму застилала все та же рыжая марсианская пыль.

– Сюда!.. Сюда!.. – крикнул кто-то

Нас приютил вестибюль одиночного углового дома. Правда, это было не очень надежное убежище, внутри которого столпились испуганные люди. Снаружи периодически что-то грохотало и взрывалось. Тогда вместе со всеми вздрагивали стены дома. Похоже, сюда набились все обитатели квартала.

– Что это было? – спросил я у полицейского, который позвал нас.

Он пожал плечами.

– Я имею ввиду – что с небом?

Он снова пожал плечами. Тогда меня осенило. Я достал из кармана чудом уцелевший телефон и включил новости. Почту я не стал смотреть – не было времени. Связь была отвратительная. Наконец пробился какой-то оператор, и я увидел на экране:

“База... город... сплошные пожары... камни... камни...”

– При чем здесь камни? – спросил я у полицейского.

Вопрос был чисто риторический. Полицейский был слишком бледен и измучен, чтобы что-то соображать. Только теперь я обратил внимание, что у него травмирована рука.

– Доктор есть?! – крикнул я.

К нас протиснулся пожилой мужчина с белой тряпкой на лице. Он занялся полицейским.

– У него перелом, – сказал доктор, сдергивая со рта тряпку. – Нужны лекарства: бинты, шину, йод, а лучше обезболивающие.

Я открыл подъездную дверь и тут же закрыл ее, потому что внутрь сразу ворвались клубы рыжей пыли. На меня зашикали. Тогда мы с Россом поднялись на первый этаж, и я постучал первую же квартиру.

– Чего вы колотите?! – возмутилась какой-то брюнетка в розовом пеньюаре и босиком.

Он прикрывала грудь руками и переминалась с ноги на ногу.

– Почему вы не обуетесь? – спросил я, с удивлением оглядывая ее.

Надо было спросить, почему вы не оденетесь, но у меня словно язык отнялся. С другой стороны, цинично подумал я, с полураздетой женщиной легче общаться.

– Мне интересно... – ответила она. – Первый раз такое вижу...

– Я тоже, – признался я, понимая, что безбожно вру. – Там раненый. Нужны лекарства.

Она завел нас к себе на кухню.

– Как вы думаете, на нас напали? – спросила она, роясь в аптечке.

Она болтала, как любая, не обремененная умом женщина. У нее были длинные красивые пальцы и стройные ноги. Я не успел с первого взгляда по достоинству оценить ее зад – она резко повернулась.

– Не знаю, – ответил я, отводя взгляд и соображая, заметила она или нет, ибо даже в такой катастрофической ситуации пытался соблюсти приличие.

– А как вы думаете, это конец света? – на ее губах промелькнула всепонимающая улыбка.

– Понятия не имею...

Мне всегда нравились такие брюнетки. Это была единственная моя слабость, не считая журналистики. Но я не хотел, чтобы женщина сбила меня с толку раньше времени.

– Может быть, это черные ангелы? – она снова улыбнулась.

– Не похоже, – пожал я плечами.

– А вы их видели, черных ангелов?

– Как вас.

– Интересно... Ха...

Пока она искала лекарства, мы с Россом направили свои стопы в ванную и напились воды. И хотя электричества не было, в сумрачном свете, который падал из окна, я разглядел себя в зеркале. Я был похож человека, которого с ног до головы обсыпали рыжей пудрой. У меня даже выросли огромные усы и борода. Я сунул голову под кран и простоял так целую вечность, пока не ощутил, что под руками нет песка. В отличие от Росса я не умел встряхиваться, как собака. Самое удивительное, что ни на Россе, ни на мне после всех приключений не было ни царапины, болела только нога, в которую пришелся выстрел, но это были фантомные боли.

Больше всего меня поразила не катастрофа, не масштабные разрушения. Такое я уже видел на Земле во время восстания хлыстов в Санкт-Петербурге. А нелепая смерть Луки. Нельзя сказать, что я очень расстроился из-за этого. Луку я не любил. Вот Леху любил, а Луку нет. Слишком часто он корчил из себя начальство. Если Алфену это шло, то Луке явно нет. Он был мелочен и суетлив, хотя и был профессионалом. Надо отдать ему должное. А такие журналисты встречаются крайне редко, потому что нельзя жить журналистикой только на работе, а дома быть кем-то другим. Правда и то, что наша профессия, как и профессия врача, делает нас циниками и одиночками. Ну и что? В каждом деле свои издержки.

Как бы там ни было, вместе с гибелью Луки оборвалась единственная нить, которая выводила меня на астросов и тайну, которую знал Юра Дронский. Если он ее знал, конечно! Хотя Лука не зря оказался в редакции “Москва-хроникал”. Он явно работал на Юру, которого мне было очень жаль. Все-таки я его еще помнил контактером и внештатником, который готов

был ехать к черту на кулички лишь бы увидеть и пообщаться с плазманоидом. Теперь надо было искать разгадку тайны в другом месте. И такое место я предполагал. Где-то центре жил старый журналист Жора Мамырин, который участвовал еще в освоении Марса. Он, пожалуй, был даже лучше покойного Луки, который умел черпать информацию буквально из воздуха. Но Жора Мамырин давно отошел от дел. Хотя я был почти уверен, что он в по-прежнему в курсе всех событий.

Еще меня мучил один вопрос: почему застрелили Батыха Кинжева? И главное – кто застрелил? На черных ангелов не похоже. Зачем черным ангелам какой-то Батых, когда вокруг хаос? Если только он не стал мародером? Но это совсем бредовая мысль. Правда, ходили слухи, что он агент метаполиции. Ну и что? Кого это волновало? Одно было ясно: база и камни каким-то образом связаны. Неужели базу взорвали, с ужасом подумал я. А вдруг – это третья сила – цекулы? Тогда в любом случае – война, что вообще было нелепицей, потому что астросы были могущественны, как боги. Хотя все к одному: тюрьма в Кагалме и взрыв базы.

– Полотенце на сушилке, – сообщила женщина. Она стояла в дверях и протягивала мне бокал. При этом она смотрела на меня, как звездочет – пристально и недвусмысленно. – Выпить не хотите?

С полотенцем в руках я вышел на кухню.

– Меня зовут Аллой, – сказала она и прислушалась, глядя в окно. Снаружи что-то гремело и сотрясалось. – Жуткий город... А этот небоскреб?..

Потом посмотрела на меня. У нее были карие глаза, и я понял, что она землянка, потому что на Марсе кареглазые женщины встречались крайне редко.

– Час назад мы чуть не погибли в нем, – сказал я, с легким сожалением вспомнив, что оставил своего “Феню” и компьютер в кабинете Юры Дронского. А ведь в этом компьютере у меня был огромный банк данных и адреса, с помощью которых можно было попасть в секретные сайты.

– Ах! – воскликнула она. – Бедненький!

– Ну не совсем... – застеснялся я.

– Красивая у вас собака, – она пожалела меня и присела перед Россом.

Росс подал ей лапу. Он знал, когда надо было подлизываться и как заставить женское сердце дрогнуть. Я догадывался, что он делает это ради меня, и подмигнул ему. Он разулыбался, показывая резцы и большие белые клыки.

– Улыбается, как человек, – сказала она, ничуть не стеснялась своих обнаженных ног, словно я был ее мужем и мы рассуждали о питомце. Правда, под пеньюаром ничего нельзя было разглядеть, потому что на ней была еще и розовая комбинация. Но от ее стройных ног и мысли, что под комбинацией она практически голая, я слегка возбудился. Она меня притягивала. Есть такой тип женщин с магическим воздействием.

– Нашли? – спросил я, кивая на аптечку и прочищая горло глотком водки.

Что-то, а водка у Аллы оказалась отличной. Лучше, чем в гостях у Лехи. К тому же она явно знала, что быстрый путь к сердцу мужчины лежит через алкоголь. Я даже заподозрил, что она специально не обулась, чтобы продемонстрировать мне свои пятки – аккуратные и розовые, как пяточек у поросенка. Надо ли упоминать, что очутившись на Марсе, я долго отвыкал от чернокожих земных женщин и привыкал к белокожим марсианским. А после развода продвинулся по этой стезе довольно значительно.

Должно быть, Аллу возбуждала атмосфера опасности, потому что глаза ее блестели, и еще она не могла справиться со своим губами, на которых блуждала странная улыбка.

– Нашла... – произнесла она недвусмысленно. – Хотите еще?

– Хочу...

Я решил поиграть в старую, приятную игру.

– За знакомство...

Она необдуманно подошла так близко, что я ощутил ее запах – каких-то горько-пряных духов. Старые-старые воспоминания. Они давно преследовали меня, но я не осознавал этого. Эти воспоминания были связаны с Землей, с ее сезоном дождей и Татьяной Лавровой, которая опекала меня и которая приносила с собой этот запах дурмана, потому что был женщиной порывистой и необузданной, и потому что я ее любил. Ну да бог с ней.

– Все так необычно... – произнесла она с придыханием. – Оставь это здесь.

– Зачем? – спросил я.

– Затем... – отозвалась она, как эхо.

Я снял куртку и бросил ее на пол.

Алла положила мне на шею руки, и мы поцеловались совсем нестрасно, а скорее нежно и коротко, словно пробуя друг друга на вкус. Я прижал ее к себе и наклонился, но она, закусив губу и глядя мне в глаза, прогнулась в пояснице и покачала головой, словно оценивая, продолжать дальше или нет. Она была хрупкой и сильной одновременно.

Я всегда был терпелив и галантен. Но иногда во мне просыпался зверь под названием страсть. В данном случае Алла рисковала быть заваленной в гостиной на одном из двух огромных белых диванов, которые я заметил, когда мы проходили на кухню. Меня нельзя было доводить до такого состояния. Единственное, меня останавливало – мысль, что в квартире может находиться еще кто-то, и еще Росс, который глядел на меня осуждающими глазами. А зря, потому что уж я-то ему в его гульках совершенно не отказывал и с удовольствием пристраивал среди своих знакомых всех его брачных и внебрачных детей.

Не отрывая взгляда, Алла сделала шаг назад, взяла свой стакан, допила водку, наблюдая за мной сквозь дымчатое стекло и улыбаясь, налила себе еще и, взяв меня за руку, повела в глубь комнат. Это было что-то, скажу я вам – похожее на обольщающее заклинание. Странное дело, стоило мне в ком-то из женщин, даже отдаленно, увидеть черты Полины, как эта женщина становилась желанной.

Я совершенно забыл и о раненом полицейском, и о горящем городе, и о Луке с Юрой Дронским. Мена даже не волновали подрагивающие в окнах стекла. Боже мой, думал я, как мало человеку надо. А ведь виной всему послужил только горьковатый запах дурмана. Одно я знал точно, что когда спал с женщинами, то расслаблялся.

В комнате, стоя ко мне спиной, Алла скинула пеньюар, повернулась и сказала:

– Дальше сам...

Две бретельки, и шорох соскользнувшей ткани. Как только я коснулся кожи, все произошло само собой.

Надо ли говорить, что Алла оказалась потрясающей женщиной, но с одним изъяном – она была лишена стыдливости. Совершенно! Абсолютно! Что в моих глазах было небольшим пороком. Во всем остальном она была на высоте, то есть вовремя стонала и даже пару раз вскрикнула в особо торжественные моменты и во время прелюдии. Кроме этого она вскрикивала во всех тех случаях, когда вздрагивал дом, когда снаружи что-то грохотало, а также когда из подъезда слышались голоса. Я почему-то решил, что это результат массового психоза. Но страсть ее была настоящей. Уж в этом я разбирался. И еще я не ошибся в ее ногах. Ноги у нее были шикарными – гладкие, как тюлени, и точеные, как ноги греческой богини. Ни у одной из моих женщин не было таких шикарных ног. Даже у Полины Кутеповой, которую я все еще любил. Если бы она пришла и сказала: “Начнем все сначала”, ей богу, я бы бросил эту беспорядочную жизнь и не жалел бы ни минуты.

После любви и треволнений мы уснули, хотя я ненавижу спать на кожаных диванах, потому что прилипаю к ним. Сколько прошло времени не знаю, только я проснулся, словно от толчка.

Росс лежал в углу и, положив морду на лапы и бесконечно грустя, смотрел на меня влажными, карими глазами. Почему-то он не любил валяться в чужих квартирах и задерживаться в

них тоже не любил. Больше всего он любил наш старый, привычный дом, который наверняка считал большой-большой конурой. Но своих приятельниц, в отличие от меня, он туда никогда не приводил.

Я подмигнул ему и осторожно встал. Снаружи заметно посветлело и не так грохотало.

Алла спала, свернувшись калачиком. Даже во сне она была до нельзя породистой: черные волосы, черные брови и нос с трепетными ноздрями. Картину не портили разбросанные и смятые простони, из-под которых торчали ее ухоженные ступни.

Такие женщины мне попадались редко. Чаще всего они были чьими-то любовницами – вели праздный образ существования, или у них было свое маленькое дельце и налаженная жизнь. С ними было просто и весело. Но это были не мои женщины в душевном смысле. Ложась в постель, мы словно заключали временный союз, в котором не было места любви. А наши романы были скоротечны, как удар молнии. Поэтому я не питал никаких иллюзий и они мне были чужды.

Прихватив одежду, я пошел в ванную. Как ни странно, из крана текла горячая вода. Я постоял под душем, прикидывая задержаться здесь или нет. Что-то мне подсказывало, что делать этого не следовало – слишком шикарная была у Анны квартира, которая занимала, похоже, весь первый этаж огромного здания. К тому же здесь явно бывали мужчины, потому что среди безделушек в гостиной, или как она там называлась у Анны, я заметил роговые очки и курительную трубку – “данхилл”, которая была сделана из настоящей земной сосны. На Марсе такие деревья не росли. Вещи, как и все в квартире, очень дорогие. Из чего я сделал вывод, что Анна находится на содержании у богатого мужчины. У нее в квартире даже не было портала, потому что у богатых людей это считалось плохим вкусом.

Я вышел из ванной, вытираясь полотенцем. Росс уже ждал меня. Он стал подпихивать мои руки, тем самым давая понять, что пора и честь знать. Мы оба прекрасно понимали язык жестов.

Надо было, конечно, перешагнуть через обиду и позвонить Полине Кутеповой, потому что они жили в нашем старом доме в Лахте, которая могла быть задета огнем. Впрочем, у ее мужа был еще один дом где-то в районе Соснового Бора. За Катажину Фигуру я почему-то беспокоился меньше – ее дом находился в Комарове.

С мыслью, что надо взять телефон, я открыл холодильник, достал банку пива и машинально взглянул в окон. Так вот, по переулку руки в брюки – любимая манера – шел... Лука.

Глава 3

Камены

По переулку, засыпанному рыжей пылью, шел Лука, а я тупо глядел на него. Нет, не может быть, лихорадочно думал я, Лука погиб. Это не Лука, а просто очень похожий на него человек. Но почему-то открыл окно и крикнул:

– Лука!..

То ли он меня не услышал, то ли сделал вид, что не услышал, но его фигура растворилась за углом дома.

Забыв о пиве, я лихорадочно стал натягивать одежду.

Случилось нечто невообразимое, мистическое, нарушающее все привычные координаты жизни. Ведь Лука разбился! Он упал с двадцать пятого этажа, и мы с Россом едва не последовали следом. И вдруг он в переулке?! Чертовщина какая-то! Идет как ни в чем ни бывало. Засунул руки в карманы. На нем его “карапуза”. А его грозные тараканьи усы я бы узнал за версту. Полный идиотизм!

В этот момент в вестибюле так грохнуло, что Росс заворчал, а шерсть на стриженном загривке у него встала дыбом.

В кухню, кутаясь в розовый сексуальный пеньюар, вбежала Алла.

– Что случилось?

Вид у нее был встревоженный, хотя даже спросонья она выглядела великолепно. Есть такой тип женщин, которых не пугаешься на рассвете. От нее и пахло соответственно – горьковатым, стойким запахом страсти. Вряд ли это был ее натуральный запах, скорее, искусно подобранные духи. Я давно прощал всем женщинам подобное лицемерие – такова природа вещей.

– По-моему, стреляют, – сказал я. – Сейчас посмотрю.

– Нет! – она вцепилась в меня. – Не ходи! Я боюсь!

– Я посмотрю и вернусь, – пообещал я, вдыхая запах ее горьковатых духов.

– Не ходи... – еще раз попросила она, – пожалуйста...

Черт! Я действительно едва не остался. Она завораживала меня. Расслабляла. В ней было что-то такое, чего я еще не разгадал. А потом этот запах. Следует научить душить Катажину. Тогда я точно не смогу от нее уйти. Но это будет самоубийством.

Через мгновение мы с Россом уже стояли в прихожей. Причем Росс явно нашел повод, чтобы досрочно покинуть квартиру. Вначале я хотел оставить его с Аллой, но он выскользнул наружу, стоило мне приоткрыть дверь.

Я последовал за ним. В слабом свете, который сочился из подъездного окна, я увидел каменов. Точнее, в первое мгновение я подумал, что это черные ангелы, а потом понял, что ошибся. Один из них был негром. Все трое – в черной форме и в черных плащ-накидках. Не такие высокие, как черные ангелы, и по сравнению с ними – широкоплечие и грузные. Двое были вооружены обыкновенными штурмовыми автоматами, а третий, сержант – огромной, длинной штукой – бластером марки БК. Оружие большой, громадной мощности. Его еще называли ручной артиллерией. Из бластера БК можно было легко подбить танк или сбить автомобиль любой марки и даже военный. И вообще, он предназначался для космонавтики. Единственным его недостатком была низкая скорострельность. Да и в условиях города применять такое оружие явно большая роскошь – оно было тяжелым и громоздким. Тем не менее, сержант наставил его на меня и кивнул негру. Он подошел и бесцеремонно обыскал меня.

И тут я видел, что полицейский убит. Он лежал перед дверью с неестественно подогнутыми коленями, и большая лужа крови растекалась по кафельному полу. Пожилой доктор сидел в углу, у него тряслись руки, и он с ужасом наблюдал за людьми в черных плащах.

– Кто вы? – спросил я, хотя и так все было ясно.

– Кто мы?! – насмешливо переспросил сержант и направил на меня бластер БК.

Если бы он выстрелил, то от меня не то что мокрого места, воспоминаний бы не осталось. Кроме этого наверняка он разнес бы весь первый этаж, полдома и еще квартал за ним.

– Кто мы... А вот кто вы? – сержант качнул бластер БК в сторону Росса и ухмыльнулся. Он явно гордился своим необычным оружием, хотя для боя в замкнутом пространстве вестибюля оно подходило меньше всего и было опасно в равной степени как для нас с Россом, так и для сержанта.

Черномазый камен с готовностью передернул затвор и скоился на сержанта, ожидая команды. Я сразу понял, что он из форта Кагалма. Классический вариант землефоба. Они по привычке так же ненавидели и Марс, и всю цивилизацию. Они были убийцами. Их готовили убивать и насиловать, и они получали от этого удовольствие. Вот почему черномазых заперли в бабоне.

– Не надо собаку, – попросил я, загораживая Росса.

Он же по своей собачьей непосредственности лез знакомиться. Эрдель – это охотничья собака. Его предки ловили выдр и белок в реках и лесах земной Англии. Поэтому эрдели никогда не были агрессивными по отношению к человеку. Но камни этого не знали. Они просто хотели развлечься.

– Отойти, иначе я отстрелю тебе руку, – сказал камен, целясь в Росса.

Я же в сердцах успел подумать, что где бы ты ни был, ты вечно не там, где надо.

Второй камен протянул сержанту мое редакционное удостоверение и пропуск с красной полосой по диагонали.

– А... – недовольным тоном проворчал тот, опуская бластер БК, – союзнички... мать вашу... Рад видеть. Пристрелить бы тебя...

– Ну что ж ты так?.. – спросил я, не улавливая его логики.

– Все равно пойдешь с нами, слишком морда у тебя подозрительная. Да и газетенка твоя в черных списках.

Он потряс у меня под носом каким-то бумажками.

– В каких списках? – переспросил я от удивления.

– Черных! Я что тихо говорю?!

– Нет, – сказал я с облегчением от того, что они переключили свое внимание. – Черные списки... Все ясно...

– Что тебе ясно, союзничек?!

В его голосе прозвучала угроза. Непонятно было, чем она вызвана.

– Ясно, что мы вроде как не враги.

– Точно! – рассмеялся сержант. – Не враги, но и не друзья. Верно я говорю?

– Верно, – закивали головами его помощники. – Нам такие враги пока нужны.

– Ну ладно... – примирительно согласился я. – Я ничего не понял, ничего не знаю и все забуду. Может, я пойду?.. – я сделал шаг к двери.

– Куда ты собрался?! – удивился сержант. Умереть хочешь?! Я же сказал, пойдешь с нами.

– А зачем я вам нужен? – спросил я. – если мы союзники?

– Затем, – объяснил сержант. – Нужен, и все.

Они потеряли к нам с Россом всякий интерес. Сержант громко произнес, наставляя на людей, которые замерли на лестницах, свой огромный бластер:

– Всем приготовить документы! Дважды не повторяю, а только стреляю!

Рядовые дружно заржали, схватившись за бока.

– Документы на бочку!

– Кого вы ищете? – спросил я.

Сержант мимоходом оглянулся:

– Представителей федеральной власти...

Люди зашевелились. Кто-то истерически рассмеялся. Кто-то побежал вверх.

– Что?! Что!!! – заорал сержант. – Все мордой в пол и не пикать! Начинай, боец! – кивнул он рядовому.

– Все это было давно известным притворством, – устало сказал врач.

– Что вы имеете ввиду? – спросил я, присаживаясь рядом.

– Не надо было ни с кем заигрывать.

– Вы полагаете, они суть проблемы?

– Камены только рычаг.

– Думаєте, за ними кто-то повыше?

Врач только выразительно пожал плечами, наблюдая, как камены обыскивают всех и вся, вплоть до чердака. У кого не было документов, пинками заставляли спуститься в вестибюль. Среди них оказался человек в дорогом костюме. Судя по всему – чиновник средней руки или бизнесмен. Пожарник с ведомственным удостоверением. И судья. Пожарник вызвал затруднение. Рядовой и сержант долго вчитывались в его удостоверение.

– Какой же он федерал? – усомнился я.

– Пожарник... – пожал плечами сержант.

– Это не власть, – сказал я.

Сержант засомневался. Белый рядовой сказал:

– У меня брат тоже пожарник...

– Ну ладно, черт с ним. Остальных выводи.

– Меня-то за что? – спрашивал человек, который в одинаковой мере походил и на чиновника, и на бизнесмена. – Я только бумажки подписываю.

Его ударили прикладом что есть силы. На стену брызнула кровь. Росс заворчал. Он вообще не любил резких движений.

В числе несчастных оказалась женщина с властными чертами лица. Она сказала:

– Я всю жизнь их презирала... Почему меня в одну компанию?!

– Молчи, стерва! – крикнул белый рядовой, замахиваясь на нее. И тут же, наклонившись, пояснил шепотом: – Моя училка... в школе кровь портила... заставляла учить правильные и неправильные дроби... – и улыбнулся точно также, как улыбался до этого, когда целился в Росса.

Они заставили женщину тащить чиновника. Его лаковые туфли прочертили в пыли две борозды.

Один судья ничего не говорил. Он словно находился в протрации. Похоже, он не понимал, что происходит. У меня же за плечами было восстание хлыстов в земном Санкт-Петербурге, и я знал, чем сопровождаются подобные игры.

Сержант, глядя на нас, с улыбкой поднял палец, прислушиваясь к тому, что должно произойти. Наверное, он хотел сказать этим: то же самое может быть и с любым из вас. Снаружи раздались автоматные очереди, потом два или три одиночных выстрела. Камены вошли, закидывая автоматы на плечо. Негр улыбался.

– Остальные за мной шагом марш! – насмешливо скомандовал сержант и распахнул дверь.

Как только мы очутились на улице, я отпустил Росса. Он хорошо знал город и окрестности. И я надеялся, что с его нюхом и охотничьими навыками он не пропадет, а будет крутиться возле нашего дома, поджидая меня.

– Домой!.. Домой!.. – приказал я.

Росс все понял. Напоследок он оглянулся и скрылся за углом, направляясь на запад.

Убитые лежали рядом с подъездом. Кровь уже пропитала толстый слой рыжей марсианской пыли. Почему-то все отворачивались, когда проходили мимо, словно презирая мертвых. Кто-то из женщин запричитал.

Воздух был насыщен резкими запахами. Когда мы пересекали Яузские ворота, то попали в химическое облако – где-то горел медицинский склад. На Устьименском мосту меня едва не вывернуло от густого запаха сгоревшей плоти.

Совсем рядом били пушки, и сквозь мглу я разглядел, как по Раушской, словно жуки, ползаю черные танки. Иногда один из них останавливался, делал: “Пуф-ф-ф...” – из длинного ствола вырывалось пламя, и, урча, полз дальше, чтобы снова сделать: “Пуф-ф-ф...” Несколько раз над рекой пролетали армейские “титаны”, разбрасывая тепловые ловушки и поливая из пулеметов невидимого противника.

Дальше мы плутали, то приближаясь, то удаляясь от набережной. Мойка-Москва-река горела. Или мне показалось, что она горит, потому что кварталы за ней были в огне и свет с той стороны набережной, пробиваясь сквозь завесу пыли и дыма, падал на воду. А может быть, действительно, горела сама река? Я не успел разглядеть. На тротуаре темнели трупы. Со стороны Адмиралтейства стреляли. Пули летели слишком высоко. Некоторые из них рикошетили от стен зданий и волчком вертелись на брусчатке. Одна очередь прошла так низко, что мы попадали на землю. Камены тоже. Потом они опомнились и погнали нас прикладами.

Штаб Гвардейского корпуса лежал в руинах. В окнах Старого Эрмитажа плясали огни. Мы едва проскочили по краю набережной и побежали к Неве-Москве-реке. Как только мы миновали Первый Зимний мост и спрятались за Старый Эрмитаж, стрелять перестали.

Вначале я думал, что мы повернем к Троицкому мосту, но, похоже, у каменов был другой план. Мы быстро миновали арку Зимней канавки и свернули к Эрмитажному театру, напротив которого стоял плавучий ресторан “Петровский”. В этом ресторане мы часто бывали с Россом. У нас даже был свой столик с видом на реку, за которой находилась Петропавловская крепость, и знакомый официант всегда приносил Россу говяжью вырезку.

Через минуту нас разделили на две группы: меня, врача и пожарника заперли в буфете ресторана, а остальных загнали в трюм. И, кажется, это было лучшим исходом, потому что в какой-то момент мне показалось, что каменам надоело возиться с нами и они были готовы нас расстрелять.

Как только нас втокнули в буфетную, пожилой врач устало опустился в кресло времен Людовика Пятнадцатого. Оно даже не скрипнуло. Дело в том, что марсиане, то бишь бывшие земляне, скопировали не только здания, но и их содержимое. Единственного они не могли скопировать – действия времени. Поэтому вся начинка, а ресторан был сделан под Эрмитаж, была вечно новенькой и блестящей.

– Вы действительно их союзник? – спросил врач.

– Сам не знаю, – пожал я плечами, выглядывая в иллюминатор. – Пока сижу с вами.

Кажется, это его не убедило.

– Вот как!.. – неопределенно высказался он.

Меня не покидала мысль о побеге. Окна ресторана выходили на Зимний. Заметно посветлело. Воздух стал прозрачнее. Зато в крыши домов – как следствие сухой бури – с треском били молнии. Вдалеке были видны Дворцовый мост и Ростральные колонны Васильевского, на которых мерцали тревожные огни. В отличие от других районов, Васильевский остров не горел. Порой на его берегу вырастали и медленно опадали столбы взрывов – работала тяжелая артиллерия.

На первом этаже ресторана располагалась кухня. Вначале надо было спрыгнуть на палубу, где торчали камены в черных плащах, а только оттуда – или на набережную, или в воду. Камены действительно походили на черных ангелов. Наверное, они сделали это специально, чтобы не отличаться от союзников.

– Но если вы их союзник, то можете объяснить, пожалуйста, что происходит?

– Очень похоже, что над городом сбили базу астросов, – сказал я, обнаруживая на стойке початую бутылку водки. – Но как и зачем, не знаю.

Я налил себе рюмку и выпил, не почувствовав вкуса. Такое было со мной второй раз в жизни. Впервые я не ощутил вкуса алкоголя на Земле, когда обнаружил, что Леха – хлыст и у него выросли клыки. Теперь же все мои опасения показались мне смешными, а воспоминания – самыми родными. Я едва не прослезился. Оказывается, я любил Землю не меньше, чем Марс, может быть, даже больше, но никогда не признавался себе в этом.

– Какой же вы тогда союзник, – рассмеялся пожарник, присоединяясь ко мне.

Он поступил проще: опрокинул бутылку доньшком вверх и влил себе в горло водку, как в воронку.

– Вот так! – сказал он поставив бутылку на стойку.

Наверное, он пытался удивить меня.

Я и сам ломал голову. Интересно, за кого меня принимают и кем был комиссар Ё-моё? Большой шишкой у каменов? Недаром у него такой чудесный пропуск. Сбить же базу астросов – это все равно что сбить солнце или ткнуть в него ракетой. Оба варианта исключались по определению. Правда, Кагалма существовала реально. И бог его знает, чего еще я не знал в этом мире. Вдруг земляне обладают супероружием? А мне и в невдомек. Да и кому надо сбивать базы астросов – астросы нейтральны тысячи лет. Надо быть полным идиотом, чтобы с ними ссориться. Правда, с другой стороны, если до восстания в земном Санкт-Петербурге астросы избегали контактов с землянами и марсианами, то теперь они, хотя явно и не выступили на стороне каменов, то по крайней мере демонстрировали свое присутствие в виде гигантского салюта.

Я свернул пробку другой бутылке и подергал окно. Оно было плотно закрыто. Из нас троих врач явно не сможет выбраться наружу.

– Так это мы по астросам лупанули! – воскликнул пожарник. – То-то я гляжу жарко горит.

– А эти?.. – врач кивнул на дверь.

– Камены? Черт их знает... – сказал я, делая большой глоток. – Я с ними знаком лишь по газетам.

– Вы живых астросов видели... – с неприязнью догадался пожарник.

– Видел, – скромного сознался я.

– Какие они?

Я почему-то решил, что он на меня бросится. Был он здоров и крепок. Глубоко сидящие глаза на большом черепе и развитые надбровные дуги придавали ему угрюмый и немного зверский вид. Почему-то в моем представлении все пожарники должны были быть именно такими.

– Прозрачные, как... – я не сразу нашел сравнение, – как бутылка...

Пожарник недоверчиво посмотрел на меня. Я отвернулся, не намериваясь убеждать кого-либо в своих словах.

– Выходит, они готовились, – удрученно сказал врач, покосившись на пожарника.

– Выходит... – согласился я. – Только как-то все странно. Кто мог сбить базу?

– А чего странного! – горячо воскликнул пожарник. – Власть захватывают: почту и телеграф, и как его там – городское собрание!

В общем-то, он был прав. Только для пожарника слишком образован, чтобы совершать экскурс в историю Земли.

– Книжки читаю... – пояснил пожарник на мой удивленный взгляд.

– А я думал, вы их ядовитым керосином, – с иронией признался врач.

– Ну почему же, – обиделся пожарник. – Рэя Брэдбери я тоже читал.

– Понятно, – разочарованно отозвался врач из своего кресла.

И я почувствовал, что он недоволен собой – прежде всего тем, что не удержался от спора.

– У меня несистемное образование, – признался пожарник.

– А зачем мы нужны им? – снова спросил врач, обращаясь ко мне.

Я не успел ответить. Да и что можно было ответить, если все было очевидно: банальная разборка на уровне цивилизаций. И еще было очевидно, что врач ничего не понимает и боится. Я тоже боялся, хотя все, ну почти все понимал.

– А затем, что они выполняют приказы, – снова вмешался в разговор пожарник.

– Я тоже так думаю, – согласился я.

– Значит, все спланировано, – сокрушился врач.

– Спланировано, – согласился я. – Похоже, это война. Вы бежать сможете? – я дернул что есть силы и распахнул окно.

Камен, стоящий у трапа, посмотрел в мою сторону. Я отпрянул.

Пожарник, сказал выглянув в другое окно:

– Не заметил...

– В юности я борьбой занимался, – сказал врач, – кое-какая сноровка еще осталась.

– Да вы не волнуйтесь... – сказал я, снова выглядывая в окно, – профессия у вас самая мирная...

В этот момент со стороны Эрмитажа появились люди. С такого расстояния трудно было определить, кто они такие. По ним стреляли со стрелки. Двое упали, а третий почти добежал. Последние два шага он сделал, как пьяный, а потом тоже упал. Это был камен.

– Боже!.. – прошептал врач, отшатываясь от окна.

Но дело стрельбой не кончилось. Там, где начинался Дворцовый мост, появилось темное пятно. Оно увеличивалось в размерах и постепенно приобрело ясные очертания. Эта была неумелая атака: впереди ползла боевая машина, а за ней перебежками мелькала пехота. Крохотные вспышки со стороны пехоты и более крупные из пушки возвестили о том, что по нам стреляют. “Бум-бум-бум-м...” – била пушка. “Т-р-р... т-р-р... т-р-р...” – трещали штурмовые автоматы.

– Нас спасут!.. – обрадовался врач.

Пожарный только хмыкнул. Я еще раз удивился тому, что пожарный хорошо осведомлен в тактике пехоты и скептически относился к атаке федеральных марсианских войск.

Тут началось. Очередь попала в буфетную стойку. Вторая разнесла люстру под потолком. Я плюхнулся на пол в смесь водки всех сортов, ликеров и вин. На голову сыпались осколки иллюминаторов, окон, бутылок и зеркал. Буфет вмиг превратился в сито. Грохот стоял не меньше, чем в высотке. Стоило ли покидать ее, чтобы дать себя убить в плавучем ресторане “Петровский”?

Когда я осмелился приподнять голову, то увидел залитого портвейном врача, который, мыча от страха, полз из одного угла в другой.

– Не двигайтесь! – крикнул я.

Но по-моему, он не услышал. От пуль нас спасало то, что пол буфета лежал на толстых балках, такие же балки окольцовывали его по периметру на высоте сантиметров двадцать. Но это, учитывая, что стреляли под углом, оказалось достаточной защитой от пуль. Что касается снарядов, то они с легкостью прошивали крышу буфета и третий этаж, где находился зал ресторана. Если бы нас заперли там, то шансы на выживание у нас были бы нулевые.

Почему федералы не зашли со стороны Эрмитажа и театра, для меня осталось загадкой. Атаки с носа было ошибкой – ведь они не могли нанести камням большого урона. Через минуту федералы перенесли огонь на первый этаж и фасад ресторана, и я рискнул выглянуть. Благо теперь не надо было открывать окна – вся носовая часть буфета была в больших и маленьких дырах.

Наконец я увидел действие бластера БК. Как только боевая машина доползла до того места, где в реку спускалась широкая лестница и где друг на друга смотрели сфинксы – жал-

кие копии из ржавого марсианского гранита, тонкий белый луч пронзил нападающих. Одновременно раздался такой свистящий звук: “Буф-ф-ф...”, словно лопнул автомобильный скат. Первый взрыв, конечно, не шел ни в какой сравнение с катастрофой над городом, но часть набережной и фасада Эрмитажа там, где был вход, превратились в груды камней. А от атакующих вообще ничего не осталось. В боевой машине начали взрываться боеприпасы. Периодически она окутывалась дымом, и во все стороны летели огненные осколки и сыпались искры. Когда рассеялся дым и осела пыль, мы увидели только горящий остов боевой машины и крохотные чадящие кучки того, что было людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.